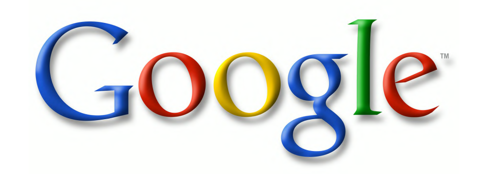
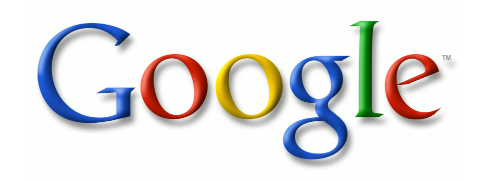
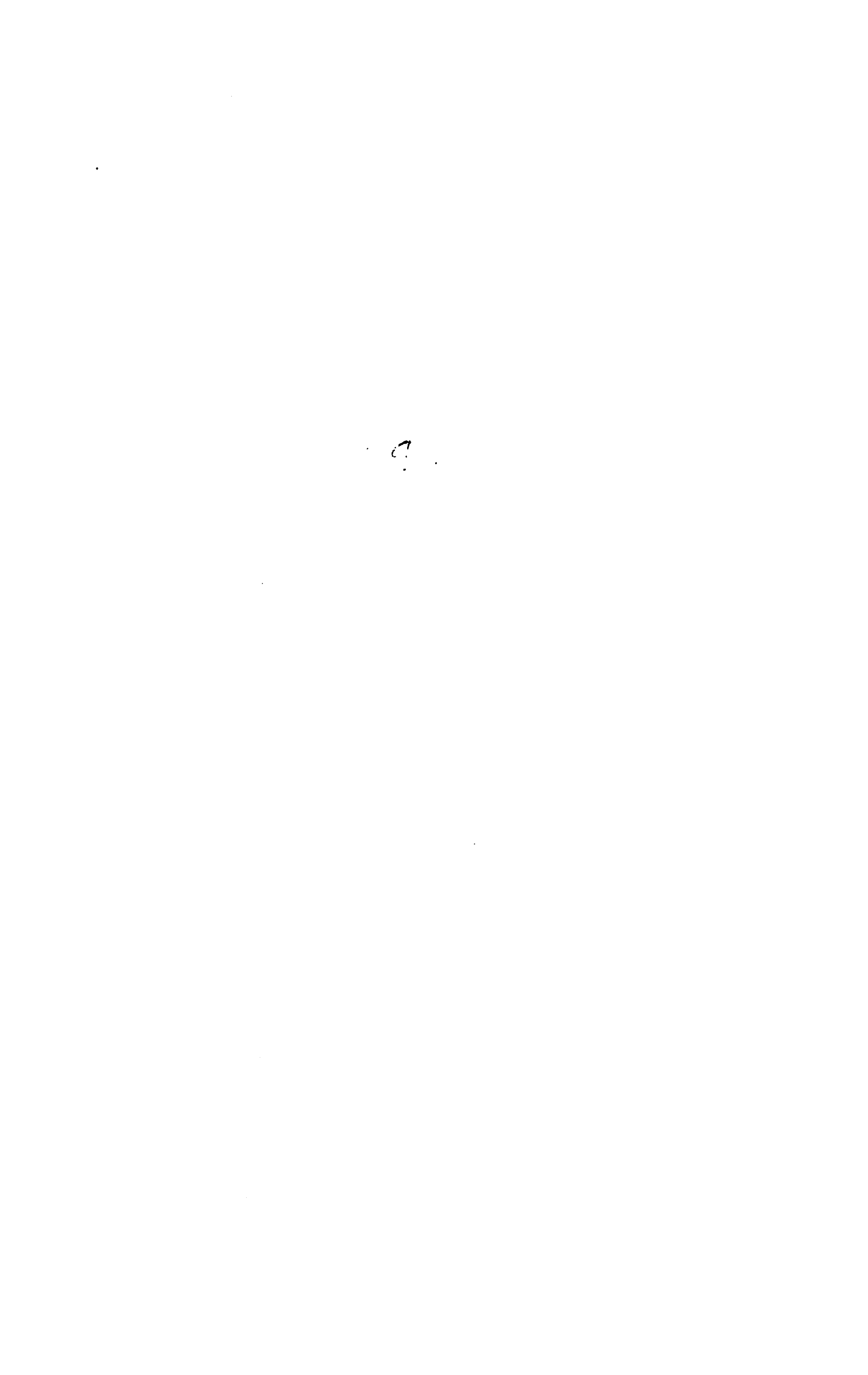

THIS "O-P BOOK" IS AN AUTHORIZED REPRINT OF THE ORIGINAL EDITION, PRODUCED BY MICROFILM-XEROX BY UNIVERSITY MICROFILMS, INC., ANN ARBOR, MICHIGAN, 1960.

ЧТЕНІЕ

ВЪ

БЕСѢДѢ

ЛЮБИТЕЛЕЙ РУСКАГО СЛОВА.

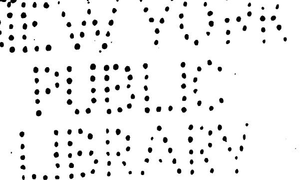
КНИГА ШЕСТАЯ.

СТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Ѳ. ДРЕХСЛЕРА,

1812.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи до выпуска изъ типографіи представлены были въ Цензурный Комитетъ одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, Марта 11 дня 1812 года.

Цензоръ, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ
Ив. Тимковскій.

О
ЛИРИЧЕСКОЙ ПОЭЗІИ.

(Продолженіе.)

Въ Римѣ мало было изящныхъ лириковъ. Квинтиліянъ [1]) говоритъ, что Горацій изъ нихъ одинъ достоинъ чтенія; но онъ и самъ, по скромности можетъ быть своей, признаетъ себя [2]) не болѣе, какъ только слабымъ отголоскомъ древнихъ Грековъ. Естьлижъ пройти мимоходомъ современно и послѣ него жившихъ, не столько знаменитыхъ: Цезія Басса, Стація и Катулла [3]), то можно сказать, что по смерти сего любимца Августова лира умолкла. По нашествіи на Италію варварскихъ полчищъ гласа ея долгое время вовся

1) Глава X, книга 1.

2) Ода II, книга 4.

3) Лирики при Августѣ, Неронѣ и Доминціанѣ жившіе.

слышно не было. Она казалось возвратилась паки на Геликонъ и нѣсколько вѣковъ не возхищала смертныхъ. На сѣверѣ только у Скальдовъ раздавались ея звуки. Но когда изъ сей суровой страны свѣта наводнили западъ дикіе народы, отъ коихъ древній Римъ палъ, то науки и художества ушли на востокъ и на полдень, въ Азію и Африку къ Арабамъ и Сарацынамъ, которыхъ особливо покровительствовали калифы. На конецъ въ IX столѣтіи, хотя нѣсколько поддерживалъ просвѣщеніе Карлъ Великій, собравъ пѣсни Цельтовъ и заведя при дворѣ своемъ училища; но послѣ и его, съ нашествіемъ Норманов̂ъ, покрылась Европа сугубымъ мракомъ невѣжества. Естьли гдѣ и проблескивали слабыя искры словесности, то не иной, какъ варварской, составленной изъ грубыхъ нарѣчій побѣдителей, вліяніемъ своимъ изпортившихъ языкъ побѣжденныхъ Римлянъ. Стихотворство тогда, безъ вдохновенія и вкуса, ежели можно его таковымъ назвать, было суровое сопканіе словъ силлабическою просодіею, которое по вторженіи Готовъ *руннымъ*

называлось. Естьли справедливо недавнее открытіе одного Славено-руннаго стихотворнаго списка I вѣка и нѣсколькихъ произреченій V столѣтія Новогородскихъ жрецовъ, то и они принадлежатъ къ сему роду мрачныхъ временъ стихосложенія. Я представляю при семъ для любопытныхъ отрывки оныхъ; но за подлинность ихъ не могу ручаться, хотя кажется буквы и слогъ удостовѣряютъ о ихъ глубокой древности. Пусть знатоки о семъ разсудятъ [1]).

[illegible]

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

---

1) Подлинники на паргаминѣ, находятся въ числѣ собраній древностей у Г-на Селакадзева.

То єсть:

Гибъ послухси Бояна.

Умочи Боянъ сновъ удычъ
А комъ плъ благъ тому
Суди Велеси не убѣгши
Славы Словенси не умлети
Мчи Боянн на языци оста
Памети Злгоръ Волхви глоти
Одину памети Скифу гамъ
Златымъ пески тризны сыпи.

ПЕРЕВОДЪ.

Не умолчи Боянъ, снова возпой;
О комъ пѣлъ, благо тому.
Суда Велесова не убѣжать;
Славы Славяновъ не умалить.
Мечи Бояновы на языкѣ остались;
Память Злогора Волхвы поглотили.
Одину взпоминаніе, Скиөу пѣснь.
Златымъ пескомъ тризны посыплемъ.

Изреченія, или отвѣты Новогородскихъ жрецовъ.

[illegible]

То есть:

Угли

Жрцу говоръ Еролку.

Пакоща свада
Дюжу убой
Тяжа нагата
Тощь перелой.

ПЕРЕВОДЪ.

По злобѣ свара
Сильному смерть;
Тяжба съ богатствомъ
Худъ передѣлъ.

Въ продолженіи тѣхъ среднихъ вѣковъ западные ученые, кои едвали не были одни только духовные, писали важныя сочиненія на вульгарномъ, или простонародномъ языкѣ (lingua volgare), придерживаяся до VII столѣтія древняго Римскаго, а послѣ Латинскаго со смѣсью иноплеменныхъ словъ. Но свѣтскіе, ежели гдѣ и упражнялись въ письменахъ, то въ провинціальныхъ только нарѣчіяхъ: Басскомъ, Галиканскомъ, Провансальномъ, Португальскомъ, Лимоническомъ, или смѣшанномъ съ Испанскимъ, Италіянскимъ и Французскимъ, который вообще именовался (lingva rustica Romana), или Римксое деревенское нарѣчіе. Правда въ IV столѣтіи, какъ говоритъ Бровнъ, по изгнаніи на западѣ Бардовъ, а на востокѣ по истребленіи Ѳеодосіемъ Великимъ идольскихъ жертвенниковъ, сочиняли еще въ монастыряхъ монахи [1]) по древнимъ образцамъ оды и трагедіи: но единственно для препровожденія времяни чтеніемъ ихъ въ кельяхъ, а не для

1) Бровнъ: О раздѣленіи музыки съ поэзіею.

пѣнія въ храмахъ, или игры на ѳеатрахъ; и съ тѣхъ, ужè темныхъ и неблагопріятныхъ для художествъ и наукъ временъ общественная свѣтская поэзія отъ музыки отдѣлилась. Древнее достоинство ихъ пало потому, что не токмо въ народныхъ собраніяхъ, но и нигдѣ почти въ обществахъ онѣ вовся не употреблялись. Тогда ничего ужè изящнаго не являлось. — Важность, чистота, сладкозвучіе и пріятность древнихъ языкóвъ Греческаго и Латинскаго изчезли.

Однакожъ съ другой стороны возникъ новый родъ пѣснословной поэзіи въ Христіанской Церкви. Первыя Христіанскія тайныя общества отправляли сначала свое богослуженіе въ подземельяхъ и на гробахъ мучениковъ Еврейскимъ псалмопѣніемъ, въ подражаніе тому, что и самъ основатель священной вѣры, Христосъ Спаситель послѣднюю свою вечерю со учениками своими окончилъ пѣніемъ 1). Просвѣщеннѣйшіе Христіане

---

1) Матѳея глава XXVII, стихъ 30: *Воспѣвше, изыдоша въ гору Елеонску.*

сочиняли потомъ и приносили въ свои собранія для пѣнія собственныя свои *оды* и *имны*, въ честь Христу и мученикамъ. О семъ свидѣтельствуетъ Апостолъ Павелъ,[1]) и самъ увѣщаваетъ вѣрныхъ возпѣвать псалмы, имны и оды духовныя въ своихъ собраніяхъ [2]). — Плиній, въ писмѣ своемъ къ Трояну о Христіанахъ упоминаетъ также *о пѣсняхъ* у нихъ возпѣваемыхъ Христу, яко Богу [3]). — Игнатій Богоносецъ во II вѣкѣ изобрѣлъ новый родъ перекличнаго по клиросамъ пѣнія, имянуемаго *Антифоналіи*. — Амвросій Медіоланскій [4]) въ IV столѣтіи на

---

1) Апостолъ Павелъ, въ 1 Посланіи къ Коринѳяномъ гл. XIV, стихъ 26, говоритъ: *Что убо есть братїе, егда сходитеся, кїйждо васъ псаломъ имать?*

2) Въ Посланіи къ Ефесеемъ гл. V, ст. 19: *Глаголюще себѣ во псалмѣхъ и пѣнїихъ* (на Греческомъ имнахъ) *и пѣснехъ* (на Греч. одахъ) *духовныхъ*. — Къ Колоссаемъ гл. III, ст. 16: *Во Псалмѣхъ* имнахъ *и Пѣснехъ* (одахъ) *духовныхъ*. Слово *Пѣснь* и въ Апокалипсисѣ, гл. V, ст. 9, и гл. XIV, ст. 3, на Греческомъ имянуется *одою*; и въ главѣ XV, ст. 3 пѣснь Моисеа названа также *одою Моисеевою*.

3) Плиній въ письмахъ; кн. X, писмо 97.

4) Бровнъ, въ сочиненіи своемъ О раздѣленіи поэзіи

мѣсто витіеватаго, или фигурнаго, заимствованнаго отъ Греческаго языческаго и Еврейскаго [1]) пѣснопѣнія ввелъ столповое, или степенное пѣніе по примѣру первыхъ Апостольскихъ временъ, въ кои оно было еще просто, безъ всякаго изкуства и украшенія. Въ стихотвореніяхъ первыхъ Христіанъ не видно ни отдѣльныхъ одинакихъ строфъ ни паденія слоговъ Греческой и Римской

и музыки въ XII отдѣленіи, говоритъ: „Во II столѣ-„тіи употребляема еще была въ Христіанскихъ Цер-„ковныхъ пѣсняхъ музыка язычниковъ съ нѣкото-„рымъ только ограниченіемъ ихъ своевольства и не-„пристойностей; но какъ и та сладострастными „женскими голосами своими приводила слушателей „въ соблазнъ, то въ Константинопольской Церкви „Константиномъ Великимъ, а въ Александріи епис-„копомъ Аѳонасіемъ сдѣлано о ней новое учрежденіе. „Августинъ намѣренъ былъ совсемъ изгнать ее изъ „западнаго Христіанскаго богослуженія; но Амвросій „Медіоланскій ввелъ особаго рода голосовую чрезвы-„чайной важности.„

1) Древняя Еврейская торжественная инструментальная музыка описана въ 1 книгѣ Паралипоменонъ гл. 13 и 15, и во второй Книгѣ Царствъ, въ гл. 6. У Давида было учреждено въ храмѣ 288 пѣвцевъ, которые между собою очередовались чрезъ каждый часъ, въ сутки по 24 человѣка, для безпрестаннаго пѣснопѣнія.

поэзіи, ни сочетанія созвучныхъ риемъ среднихъ и новыхъ вѣковъ стихотворства; не истекали они изъ восторговъ какой либо страсти, или витійства поэта, ожидавшаго себѣ отъ кого либо награжденія, или ограниченной, земной, тлѣнной, человѣческой славы: но главное ихъ содержаніе и свойство было духовное, пламенное воспареніе чистой, живой вѣры, основанной на надеждѣ возкресенія и чаянія небесныхъ наградъ, или вѣнцевъ безсмертія за мученическія страданія, или подвиги благочестія. — Въ V вѣкѣ Пруденцій и Нилъ писали ужѐ мѣрными стихами.— Въ VII и VIII появились многіе знаменитые Церковные пѣснописцы и въ Восточной Церкви, между которыми знаменитѣе всѣхъ Іоаннъ Дамаскинъ, коего Ирмологій и Октоихъ, или осмогласникъ ежедневно поются и въ нашей Славено-Россійской Церкви съ душевнымъ умиленіемъ. Но въ напѣвахъ сихъ пѣсней видно ужѐ возвратившееся подражаніе витіеватымъ Греческимъ осми тонамъ, извѣстнымъ подъ названіямъ Дорическаго, Фригическаго, Лидійскаго, Іонійскаго, Іолійскаго и другихъ. Нѣ-

которыя изъ оныхъ писаны на Греческомъ стихами, по большей части ямбами и равномѣрными строфами. Хотя сего въ Славенскомъ переводѣ и не примѣтно, однакожъ разстановки напѣва дѣлаютъ для насъ нѣсколько ощутительнымъ и мѣрность подлинника. Другія изъ сихъ пѣсней сочинены и въ подлинникѣ прозою, но почти равномѣрнымъ числомъ слоговъ въ каждомъ гласѣ, или напѣвѣ, дабы по разпѣвѣ перваго предлежащаго стиха пѣть и нижеслѣдующіе. Въ Славенскихъ нашихъ переводахъ сіе нѣсколько затруднительно по несоотвѣтствію числа слоговъ съ подлинникомъ; и потому-то въ нашей Церкви, на примѣръ въ канонахъ, только ирмосъ поется, а прочіе подъ нимъ лежащіе стихи, назначенные также для пѣнія, читаются. Съ таковымъ новымъ Христіанскимъ стихотвореніемъ родились новые роды и названія пѣсней, которые неизвѣстны были древнимъ, какъ на примѣръ: Октоихъ, Тріодь, Ирмосъ Канонъ, Антифонъ, Стихира, Тропарь, Кондакъ, Икосъ, Акаѳистъ и другіе [1]). Пѣснописцы

1) Они значатъ на нашемъ языкѣ: *Октоихъ*, осми-

Церковные на изобрѣтеніе сихъ родовъ и на названіе оныхъ вышесказанными именами имѣли такоеже право, какое новѣйшіе Италіянскіе и Французскіе стихотворцы на Кантаты, Сонеты, Стансы, Ронды, Романсы, Баллады и другіе, которые также неизвѣстны были въ древней поэзіи. Въ прочемъ напрасно нѣкоторые иностранные новѣйшіе словесники винятъ первыхъ Христіанъ въ упадкѣ сей послѣдней. — Упадокъ ея должно приписать переворотамъ государствъ и измѣненію языковъ отъ варварскихъ нашествій, а не Христіанамъ. Первые Отцы Церкви не пренебрегали чтеніемъ и древнихъ языческихъ стихотворцевъ. Видны и въ святомъ Апостолѣ

гласникъ; *Тріодь*, трипѣснецъ; *Ирмосъ*, связь, или звено цѣпи, на коемъ висятъ другія звенья; *Антифонъ*, перекличка двухъ клиросовъ; *Стихира*, длинносложный стихъ; *Тропарь*, оборотъ напѣва; *Кондакъ*, перечень похвалъ; *Икосъ*, исчислительное славословіе добродѣтелей; *Акаѳистъ*, пѣснопѣніе, въ продолженіи котораго сидѣть возбраняется; *Трисагіонъ-имносъ*, трисвятая пѣснь, (Святый Боже;) *Еоѳиносъ-имносъ*, утренная пѣснь, (Слава въ Вышнихъ Богу;) *Еспериносъ-имносъ*, вечерняя пѣснь, (Свѣте тихій;) и такъ далѣе.

Павлѣ Аратъ и Епименидъ [1]), на коихъ онъ ссылался. Оригенъ, Климентъ Александрійскій, Минуцій Феликсъ, Василій Великій и многіе Отцы часто приводили во свидѣтельство Омира, Гезіода и прочихъ стихотворцевъ. Въ Христіанскихъ монастыряхъ переписывали всѣхъ древнихъ Греческихъ и Римскихъ писателей, и тѣмъ сохранили ихъ отъ потери. Правда, что Христіане первыхъ вѣковъ не имѣли поэмъ подобныхъ Омировой и Виргиліевой, и одъ равныхъ Пиндаровымъ и Гораціевымъ; но образцы оныхъ чрезъ благочестивыхъ пѣснопѣвцевъ остались не недосязаемы и для нашихъ временъ. Что же касается до высокихъ и величественныхъ изображеній Божества и духовныхъ отвлеченныхъ ощущеній, то ни Орфеевы, ни Омировы, ни Пиндаровы, ни Гораціевы имны не могутъ сравняться съ Христіанскими; и потому ихъ краткость, животворную выразительность, высокость мыслей, не льзя не признать образцами лирическими. — На примѣръ:

(1 Въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ, и въ Посланіи къ Титу.

„Его же воинства небесная славятъ и „трепещутъ; Херувимы и Серафимы, всякое „дыханіе и тварь, пойте, благословите и „превозносите во вся вѣки!„

Или:

„Тебѣ на водахъ повѣсившаго всю землю „неодержимо, тварь видѣвши на лобнемъ „висима, ужасомъ многимъ содрогашеся. „Нѣсть свята паче тебе, Господи, взы- „вающи!„

Какая, въ первомъ ирмосѣ въ начальныхъ словахъ, таинственная и заманчивая загадка, возбуждающая вниманіе слушателя; а въ послѣднихъ, разрѣшеніе величественною картиною богопочитанія всей твари!

Во второмъ: какой поэтъ могъ толь кратко и сильно совмѣстить выразительность неизмѣримыхъ противуположностей всемогущества и ничтожества, поношенія и благоговѣнія!

Но изчислять подобныя красоты въ Церковныхъ нашихъ пѣсняхъ было бы безконечное

покушеніе. — Довольно, что мы ими возхищаемся съ X вѣка, то есть со временъ великой княгини Ольги, или паче съ крещенія всей Россіи внукомъ ея великимъ княземъ Владиміромъ.

Но обратимся къ свѣтской поэзіи. Она, такъ какъ и прочія науки, съ X ужѐ столѣтія по рождествѣ Христовѣ начала̀ возраждаться въ Европѣ. Ежели и не признать за справедливое вышепомянутое руническое стихотвореніе и за ничтожное счесть народныя пѣсни о богатырскихъ подвигахъ временъ Владиміровыхъ, что можно видѣть въ IV части моихъ сочиненій на страницѣ 207, то достигшая до насъ и одна въ цѣлости древняя Пѣснь о походѣ Игоревѣ, въ которой виденъ духъ Оссіяновъ и выраженія подобныя въ извѣстныхъ Гаральдовой [1]) и Скандинавской, показывающая сколокъ болѣе сѣверныхъ Скальдовъ, нежели за̀падныхъ Бардовъ,

1) Напечатана въ Шведской исторіи Маллета; по Русски переведена г-мъ тайнымъ совѣтникомъ Львовымъ.

едвали не оспоривала бы предвареніе наше въ словесности у всей Европы, ежели бы только не остановило ходъ ея бѣдственное нашествіе съ востока на Россію Кипчапскихъ ордъ въ XII вѣкѣ, то есть въ то самое время, когда въ Парижѣ учрежденъ университетъ. Съ тѣхъ только поръ занялась на западѣ истинная заря просвѣщенія. — Науки и художества съ разныхъ странъ свѣта начали собираться въ прежнее ихъ жилище, Италію. Крестовые рыцари, бывшіе въ Палестинѣ, при возвращеніи ихъ во свояси, принесли съ собою поэзію, заимствованную отъ восточныхъ Арабовъ владѣвшихъ Испаніею; оттуда же перешла она въ Италію, Францію, Германію 1) и другія сосмежныя имъ области. Трубадуры, 2) Прованскіе стихо-

1) Во время поколѣнія Швабскихъ государей перешли въ Нѣмецкую землю пѣсни трубадуровъ. Гердеръ въ 87 отдѣленіи книги: О подкрѣпленіи просвѣщенія, стран. 109.

2) Названіе трубадуровъ производятъ одни отъ *тромба* Италіянскаго слова; другіе отъ Русскаго *трубы*, потому что яко бы при Генрихѣ I великая княжна Анна Ярославовна, вступивъ съ симъ королемъ въ

творцы, разпространили оную. Стихи свои писали они на вышепомянутомъ Провансальномъ, или Романскомъ языкѣ, возпѣвая въ нихъ свои рыцарскіе романическіе подвиги, волокитства, и всякую общежительную смѣсь. Главные характеры содержанія ихъ пѣсенъ были набожность, храбрость и любовь. Для усмотрѣнія сего прилагаю съ музыкою пѣснь XIII столѣтія, сочиненія трубадура Готье де Коанси 1):

COUPLET Ier.

бракъ, принесла съ собою во Францію Кіевскія увеселенія и пѣсни съ риѳмами наигрываемыя на семъ инструментѣ, и что будто съ тѣхъ только поръ появились во Франціи трубадуры и риѳмы. Г-нъ Дубровскій доказываетъ то привезеннымъ имъ рисункомъ, яко бы того времени, находящимся въ Императорской библіотекѣ, на коемъ изображенъ трубадуръ сопровождаемый игрою на трубахъ.

1) Взята изъ библіотеки г-на Дубровскаго.

То есть:

„Хотя Ротрюенжъ, молодая пастушка,
„Сонеты сочиняетъ и пишетъ пѣсенки;
„Я буду воспѣвать святую Богоматерь,

„Во чревѣ коея сынъ Божій воплотился.
„Мнѣ кажется, ее когда я именую,
„То съ имени ея въ уста мнѣ каплетъ медъ;
„А для того не буду именъ пѣть недостойныхъ
„Впредь женщинъ я другихъ, а такъже и дѣвицъ.
„Грѣшно бы было то и неугодно Богу [1]).

Трубадуры первые зачали употреблять риөмы, хотя нѣкоторые въ томъ и несогласны. [2]) Въ ихъ время стихотворство

---

1) Послѣдній стихъ очень теменъ, то переведенъ на угадъ по связи смысла.

2) Одни говорятъ, что Греки и Римляне, въ лучшія времена ихъ поэзіи, избѣгали сколько можно риөмъ, стараясь только объ одномъ безостановочномъ стопопаденіи. Другіе напротивъ приводятъ въ доказательство Анакреона и Овидія, что и у нихъ, какъ будто бы ненарочно прибранныя встрѣчаются риөмы. Сіе-де можно видѣть у перваго, въ изданіи г-на Львова на страницѣ 6, 12, 58, 98, 108 и проч. — У втораго, въ Книгахъ Печалей, напримѣръ: элег. 31, кн. II, стихъ 4, 6, 8, 12, 18, 20, 28, 42, 44, 60 и далѣе. Въ прочемъ иные ищутъ начала риөмъ у Арабовъ, другіе на сѣверѣ, какъ выше сказано. Гердеръ же въ книгѣ своей О подкрѣпленіи просвѣщенія, въ VII части, на стран. 74 говоритъ, что риөма ничто иное есть, какъ игра словъ, которая видна издревле у всѣхъ народовъ: у Евреевъ, Арабовъ, Нѣмцовъ и прочихъ. — Трубадуры не могли послѣдовать внутреннему составу высокой поэзіи Мавровъ; они послѣдовали духу своего времени,

получило въ Италіи названіе веселой науки (gaya ciencia) отъ вопросовъ и отвѣтовъ любовнаго, или пріятнаго содержанія. Князья, графы и всякаго состоянія знаменитые люди за честь себѣ поставляли въ сей наукѣ упражняться. Благородныя женщины принимали участіе не токмо въ слушаніи и чтеніи стиховъ; но въ разсужденіяхъ объ оныхъ и даже въ самомъ ихъ сочиненіи. Рѣшительно сказать, что въ сіе время поэзія трубадуровъ, въ отношеніи разнообразія мыслей и изъясненія страстей, сдѣлалась душею наилучшихъ обществъ, какъ въ обхожденіи, разговорахъ, такъ и перепискѣ. Въ теченіи XII столѣтія, при дворѣ Барцеллонскомъ, Аквитанскій графъ Пойтонъ ознаменовалъ себя главою трубадуровъ. Въ 1324 году въ Тулузѣ учредились такъ называемыя *Цвѣточныя Игры*, на которыхъ отличившіеся стихотворцы награждались золотою фіялкою, или розою, или ноготками. Первое награжденіе фіялки полу-

---

языку и образцамъ вышесказанной простонародной поэзіи монаховъ, которые писали на испорченномъ Латинскомъ съ риемами.

чилъ Кастельнодарскій гражданинъ Арнольдъ Видаль, за поэму въ честь Пресвятой Дѣвы. Покровительница сихъ игръ была графиня Клеменція Изаура, отказавшая въ пользу сего общества знатное имѣніе и великолѣпный домъ. Съ сего времени разлился свѣтъ новѣйшей поэзіи, появившейся съ начала отъ Арабскихъ, Испанскихъ и Сицилійскихъ границъ, и часъ отъ часу потомъ болѣе распространившейся и процвѣтавшей. Въ изходѣ того же столѣтія въ Италіи возстали славные поэты: *Дантъ*, *Петраркъ* и *Бокацій*. Они, подражая древнимъ, образовали свои лирическія произведенія по ихъ примѣрамъ, и могутъ безпрекословно назваться возродителями древней и отцами новой поэзіи въ такъ ими названныхъ: Канціонахъ, Сонетахъ, Балладахъ, Стансахъ, Мадригалахъ и другихъ пѣсняхъ, извѣстныхъ въ Европѣ.

Хотя сіи славные поэты, въ отношеніи вкуса, благородства, высокости мыслей и прочихъ украшеній, съ успѣхомъ подражали древнимъ; но будучи может быть увлечены

господствовавшими тогда примѣрами трубадуровъ, или потому, что при краткости словъ и множествѣ буквъ согласныхъ, въ Италіянскомъ языкѣ употребляемыхъ, легче было имъ писать съ риѳмами, нежели безъ риѳмъ, подобно какъ импровизаторамъ ихъ, не думая тотъ-часъ находить риѳмы. Не могли они рѣшительно послѣдовать Тоническому стопосложенію Грековъ и Римлянъ; а писали болѣе съ риѳмами силлабическою просодіею; однакоже и подъ иго риѳмы не вовся подверглись; ибо есть у нихъ стихи и безъ оныхъ. Подобно сему и у насъ приняли риѳму отъ Нѣмцовъ и Французовъ Ломоносовъ и Сумароковъ. Хотя и прокладывалъ нѣсколько путь къ древнему Тоническому стихосложенію Г-нъ Тредіаковскій; но сму не удалось превозмочь ихъ и никто ему въ томъ до нынѣшняго времени не послѣдовалъ, не смотря на то, что народныя наши пѣсни подражательны древнимъ Греческимъ, какъ ниже о томъ усмотрится, и что Славено-Россійскій языкъ, по свидѣтельству

самихъ иностранныхъ эсѳетиковъ [1]), не уступаетъ ни въ мужествѣ Латинскому, ни въ плавности Греческому, превозходя всѣ Европейскіе: Италіянскій Французкій и Испанскій, кольми паче Нѣмецкій, хотя нѣкоторые изъ новѣйшимъ ихъ писателей и въ сладкозвучіи нарочитые успѣхи показали. Гердеръ [2]) сравниваетъ древнюю и новую, поэзію такимъ образомъ: первая, говоритъ онъ, подобна шуму большáго лѣса, который бушеваніемъ наипончайшихъ своихъ лѣторослей, самъ собою вдохновенъ и священъ. Вторая: волшебному Гесперійскому саду, въ которомъ изкуствомъ всѣ дерева поютъ и каждая вѣтьвь звонитъ колокольчикомъ. — Я прилагаю для сравненія той и другой небольшій отрывокъ стиховъ, мною сочиненныхъ. — Знатоки разсудятъ, которая изъ нихъ способнѣе для нашего языка.

---

1) Гердеръ въ книгѣ О подкрѣпленіи просвѣщенія, въ VII части, стран. 115.

2) У негоже въ VII части О подкрѣпленіи просвѣщенія, стран. 111.

Новой:

„Отливъ отъ творческаго духа,
„Спечатокъ съ мудрости лучей,
„Ума согласье, о́ка, слуха,
„Эмпирной сладости ручей,
„Поэзія, глаголъ небесный!
„Коль плоти бы органы пѣсны
„Могли издать твой полный строй, —
„Ябъ создалъ новый міръ тобой.„

Древней:

„Духа отливъ, иль спечатлѣнье,
„Творческой мудрости, свѣта,
„О́ка, ума, слуха согласье,
„Сладости Райскій источникъ,
„Неба глаголъ, о Стихотворство!
„Естьли бы пло́ти пѣсный органъ
„Полный твой строй могъ изліять, —
„Новый бы міръ создалъ тобой.„

Кажется мнѣ, естьли я не ошибаюсь, онѣ обѣ хороши, всякая въ своемъ родѣ, по различнымъ вкусамъ; но думаю, что въ послѣдней больше свободы, больше изліянія жара, когда гармонія, на риѳмахъ не запинаясь, пе-

четъ безпрерывно, подобно быстрой рѣкѣ струя за струею. — Но надобно къ сему болѣе природнаго дара, нежели искуства. — На конецъ приступимъ къ объясненію всѣхъ вышеупомянутыхъ новѣйшихъ лирическихъ пѣсней.

Державинъ.

(Продолженіе впредь.)

ОДА
НА ОСВЯЩЕНІЕ ХРАМА КАЗАНСКІЯ БОЖІЯ МАТЕРИ, ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.
(15 *Сентября* 1811 *года.*)

Ужъ не Фавораль 1) я на рамѣ
По ребрамъ свѣтлыхъ тучъ хожу?
Иль Соломона въ дивномъ храмѣ,
Вкругъ изумленный взоръ вожу
По злату, по мусій, порфирамъ,
И къ звонкимъ Сіонитъ 2) псалтирямъ
Клоню вперенны ушеса?
Возторгъ всѣ наполняетъ чувства:
Богатство, красоту, изкуства,
Отверсты вижу небеса!

Ни бурь, ни морь, ни громовъ рева
Не внемлетъ благовѣя міръ.
Что се? — Святыхъ въ Святая Дѣва
Возходитъ чуть струя эѳиръ!

---

1) Гора,

2) Синайскія, или духовныя Музы.

Глава увѣнчанна звѣздами,
Луна блистаетъ подъ ногами,
Какъ солнце, ясенъ взглядъ и тихъ;
Одѣта неба омоѳоромъ,
Предстала предъ Всевидца взоромъ, —
И слышу — свыше дѣвы ликъ:

„О Вѣчный, Трисвятый
„И Непостижный, Сый!
„Вселенну наполняяй
„И обитаяй въ храмахъ
„Тобой живыхъ сердецъ,
„Воззри на оны сонмы,
„На чистый ѳиміамъ
„Тебѣ отъ нихъ куримый,
„И на царя, колѣна
„Преклонша предъ тобой,
„Который храмъ сей создалъ
„Въ земну обитель мнѣ;
„И будь благопріятенъ
„Народу и ему,
„Какъ въ мирѣ, такъ и въ брани,
„Чтобъ угождалъ тебѣ.„

И се въ подобьи голубинѣ,
Свѣтъ милый, радостный очамъ,
По синей низлетѣлъ равнинѣ,

Какъ алыхъ зарь отливъ на храмъ!
Не Духъ ли то Святый съ горъ звѣздныхъ
Низшелъ на домъ молитвы вѣрныхъ,
Для проявленія чудесъ?
О знаменіе непостижно!
Россія будетъ неподвижно,
Подъ блескомъ цвѣсть благихъ небесъ.

Такъ, естьли силой теплой вѣры
Мы и невидимое зримъ,
Мой духъ сквозь недостижны сферы,
Какъ огнекрылый Серафимъ,
Паритъ въ обитель душъ блаженныхъ;
И въ чувствахъ тонкихъ, безмятежныхъ,
Молитвы слышитъ ихъ за насъ.
Передъ судебъ святымъ ковчегомъ,
Давидъ по струнамъ, перстовъ бѣгомъ,
Отъ гуслей льетъ сладчайшій гласъ:

„О Боже! что есть тварь,
„Какъ бренный человѣкъ?
„Дни въ суетѣ проводитъ,
„И цвѣтъ какъ увядаетъ;
„Но помнишь ты его,
„И только отличаешь
„Отъ Ангелъ мало тѣмъ,
„Что мракъ земный онъ долженъ

„Пройти стезею тернья,
„И въ твой одѣться свѣтъ.
„Пошлижъ на то ты сйлы
„Народу и царю,
„Кой въ храмѣ прибѣгаетъ
„Семъ съ вѣрою къ тебѣ:
„Да благостiю носитъ
„Твой образъ на землѣ!

Державинъ.

ИГОРЬ СВЯТОСЛАВИЧЪ,

ИРОИЧЕСКАЯ ПѢСНЬ;

СОКРАЩЕНА

ДЛЯ ЧТЕНІЯ

ВЪ БЕСѢДѢ ЛЮБИТЕЛЕЙ РУСКАГО СЛО́ВА.

Въ предъидущемъ Разсужденіи, Гавріила Романовича Державина, о лирической поэзіи, упомянуто о *Игоревой Пѣсни*; да позволено мнѣ будетъ нѣчто сказать о ней предварительно и предложить изъ оной нѣкоторые отрывки.

Симъ древнимъ стихотвореніемъ нашимъ занимались ужѐ люди, отличившіеся любовію къ Руской словесности: графъ Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ и Александръ Семеновичъ Шишковъ. Первый отъискалъ, перевелъ и издалъ пѣснь сію; послѣдній съ особеннымъ вниманіемъ раскрылъ ея смыслъ, сдѣлалъ собственныя замѣчанія и показалъ соотечественникамъ своимъ лучшія мѣста̀ и стихотворческія красоты ея. Такимъ образомъ, сдѣлавъ сіе твореніе XII столѣтія извѣстнымъ и понятнымъ для каждаго, дали почувствовать они всю важность дотолѣ

валяющагося въ пыли и совсѣмъ ни кому неизвѣстнаго сокровища. Труды и изъисканія сихъ мужей возбудили охоту и въ другихъ заниматься нашею древнею словесностію. — г-нъ Палицынъ, воспользовавшись замѣчаніями и переводами гр. Мусина-Пушкина и А. С. Шишкова, переложилъ пѣснь сію въ шестистопные ямбическіе стихи и напечаталъ въ соч. Россійской Академіи. Наконецъ покусился и я переложить оную. Трудъ сей предпринялъ не съ тѣмъ, чтобы состязаться съ словесниками имѣющими несравненно болѣе моего и опыта, и вкуса, и познаній; одна токмо любовь ко всему Славено-Рускому, собственное мое удовольствіе, пламенныя чувствія, заключающіяся въ пѣсни сей воодушевили меня, и принудили какъ бы забыть недостатокъ силъ моихъ. Сохраняя, сколько возможно было, слова, выраженія и красоты подлинника, я переложилъ пѣснь сію *Рускими дактило-хореическими, древними нашими стихами;* [1]) потому,

Что пристойнѣй слогомъ древности

---

1) Пѣснь сія переложена уже вся, и посвящена Праху графа Каменскаго 2-го, при слѣдующихъ стихахъ:

Отечество и Богъ чимъ сердцемъ управляютъ,
Сограждане, цари тѣхъ гробы орошаютъ
Слезами теплыми. — Завидна доля ихъ!

Повѣсть разсказать печальную
О полку походѣ Игоря.

Нѣтъ сомнѣнія, что стихотвореніе сіе со времени появленія въ свѣтъ извѣстно ужѐ всѣмъ любителямъ Рускаго слова; вѣроятно и то, что всѣ переложенія, изъясненія и замѣчанія на него сдѣланныя заслужили признательность отъ благомыслящихъ; однако остается еще, и при томъ довольное число вкусовъ и умовъ, кои не чувствуютъ образцовыхъ красотъ *Игоревой Пѣсни*. Есть люди, кои не довѣряютъ славѣ и величію воспѣтыхъ въ ней Князей; кои ничего незначущею новизною, или лучше сказать, сами собою силятся оспорить достоинство почтенныхъ нашихъ предковъ-Славянъ; совершенно презираютъ величественную простоту, первобытной нашъ вкусъ, истинныя, естественныя красоты, и нестарѣющееся витійство нашей древней словесности. Но оставимъ ихъ, и пробудимъ Бояна,

Кой, воспѣть Князей когда хотѣлъ,
По древамъ носился мыслями,
Сѣрымъ волкомъ по землѣ бѣжалъ,
По поднебесью орломъ парилъ;

Здѣсь же, какъ изъ заглавія видно, напечатано одно только сокращеніе сей пѣсни, читанное въ Бесѣдѣ; вся же пѣснь съ замѣчаніями напечатана будетъ послѣ, естьли сіе сокращеніе благосклонно будетъ принято.

Или только прикасался онъ
Вѣщимъ перстомъ ко живымъ струнамъ, —
И онѣ въ странахъ подсолнечныхъ
Рокотали славу княжеску.

(Безъ сомнѣнія славу Князей Владимира и Ярослава.)

Такъ начнемъже древню пѣснь сію
Съ Князя стараго Владимира,
Продолжимъ ее до Игоря.

Игорь, умъ напрягши крѣпостью,
Вспламенивши сердце мужествомъ,
Преисполнясь духа ратнаго,
Идетъ со храбрѣйшимъ воинствомъ
Во владѣнья Половецкія
Отомстить за землю Рускую!
Князь воззрѣлъ на солнце свѣтлое,
И увидѣвъ тмой покрытое
Воинство на брань идущее,
Возопилъ къ своей дружинѣ онъ:
„Братья, вѣрные друзья мои!
„Лучше всѣмъ намъ быть изрубленнымъ,
„Нежели врагу достаться въ плѣнъ.
„Осѣдлаемъ бо́рзыхъ ко́ней мы
„И посмотримъ Дону синяго.„ —
Князь рѣшился пренебречь одинъ
Всѣ ужасны предвѣщанія;

Испытать свое онъ щастіе
Ѣдетъ скоро на великій Донъ. —

„Здѣсь хочу я, восклицаетъ Князь,
„Съ вами, храбры Вои Рускіе!
„Преломить копье булатное
„На краю сихъ Половецкихъ странъ;
„Здѣсь намъ должно иль главу сложить,
„Иль изъ Дону воду хладну пить,
„Послѣ жаркаго сраженія.„ —

Ужѐ кони ржутъ за Сулою;
Славы громъ гремитъ во Кіевѣ;
Трубы трубятъ въ Новѣ-городѣ;
Во Путивлѣ знамена̀ стоятъ! —
Игорь Всеволода брата ждетъ.
Богатырь пришедъ, вѣщалъ къ нему:
„Игорь, о мой братъ возлюбленный!
„Свѣтлый свѣтъ одинъ очей моихъ!
„Будь ты храбръ какъ Святославовъ сынъ;
„Бо́рзыхъ осѣдлай коней своихъ;
„А мои давно осѣдланы
„И у Курска приготовленны.
„Мѣтить Курчане въ цѣль свѣдущи,
„Подъ трубою ратной повиты,
„Подъ шеломами взлелѣяны,
„Остріемъ копья воскормлены;

„Рѣки, дебри, горы трудныя
„Имъ давно ужѐ извѣстны всѣ!
„Крѣпко луки ихъ натянуты,
„Тулы полны стрѣлъ отвóрены,
„Сабли блещущи изóщренны.
„Сѣрымъ волкомъ скачутъ по полю,
„Ищутъ чести, славы Князю ихъ.„

Въ золотое стремя Князь вступя,
Ѣдетъ скоро въ поле чистое.
Солнце тмою вдругъ закрылося;
Ночь, гроза и буря страшная
Пробудили всѣхъ зловѣщихъ птицъ. —
Воютъ звѣри средь глухихъ лѣсовъ,
На вершинѣ древа кличетъ дивъ,
И, увы! зловѣщій филинъ сей
Предвѣщаетъ зло, несчастіе!
Воя въ дебряхъ волки сѣрые
Страхъ на все наводятъ воинство;
Тамъ орлы звѣрей къ костямъ зовутъ;
А лисицы мимо рыская,
Лаютъ на щиты червленные.

О Земля, о Люди Рускіе!
Далеко вы за Шеломенемъ. —
Меркнетъ ночь, заря погаснула:
Мгла покрыла поле чистое;

Пѣснь умолкла соловьиная.;
Говоръ галичій умалился.
Рускіе, поля великія
Преградивъ щитами, копьями
Жаждутъ чести, славы Князю ихъ.
На зарѣ, что было въ пятницу,
Руски поразили По́ловцевъ.
Разлетясь какъ стрѣлы по полю,
Подхвативши Половецкихъ дѣвъ
Красныхъ, полныхъ, какъ свѣте́лъ мѣся́цъ,
Мчатъ съ собою: съ ними золото,
Дорогія ткани, бархаты.
Епанчми, плащами, шубами
И узорчатою утварью
Грязныя мѣста̀, болотисты
Замостили — перешли по нихъ.
Челка и хоругвь со знаменемъ,
Древко сребряное, чистое
Святославичу досталися.
Ольгово гнѣздо, столь храброе,
Дремлетъ въ полѣ, залетѣвши въ даль.
Не родилося обидъ терпѣть
Ни отъ сокола, ни кречета,
Ни отъ дерзостныхъ кохтей твоихъ,
Черный воронъ, Половетчанинъ...

Раннія зари кровавыя

Другій день намъ возвѣщаютъ свѣтъ.
Идутъ тучи съ моря черныя,
Скрыть хотятъ четыре солнца вдругъ. 1)
Въ нихъ трепещутъ сини молніи:
Грому, грому быть великому!
Лить дождю стрѣлами острыми
Съ Дону, бурей вскипѣвшаго!
Тутъ-то копьямъ поламатися,
Тутъ-то саблямъ *потручатися* 2)
О шеломы Половецкіе,
На брегахъ Каялы быстрыя,
У рѣки Дону великаго.

Руская Земля и Воинство!
Ты теперь не подъ Шеломенемъ.
Ужѐ вѣтры внуки Стрѝбога
Вѣютъ стрѣлы съ моря синяго
На полки прехрабры Игоря.
Топотъ, свистъ и конско ржаніе
Поражаютъ слухъ оратая;
Пыль столпомъ въ поляхъ подъемлется;
Рѣки мутно въ берегахъ текутъ....

---

1) Т. е. четырехъ Рускихъ Князей.

2) Слово сіе весьма хорошо выражаетъ треніе стали о сталь и дѣйствіе военной сѣчи, особливо слогами *тру* и *ча*.

Се знамéна вьются ратныя!
Отъ бреговъ Донскихъ, и отъ моря,
И отъ всѣхъ странъ Половетчане
Идутъ дерзостно на Игоря:
Войско Руско подалось назадъ.
Нечестивые Половчане
Возвѣстили битву криками,
И Россійско храбро воинство
Потекло ко брани бѣдственной!

Богатырь могучій, Всеволодъ,
Крѣпкій столпъ, надежда Руская!
Никогда въ бою не дремлешь ты,
Градомъ прыщешь стрѣлы острыя
На враговъ, съ тобой ведущихъ прю.
Гдѣ на борзомъ ты летишь конѣ,
Гдѣ твой свѣтится златый шеломъ,
Тамъ падутъ главы Половчанъ злыхъ,
Шлемы съ нихъ летятъ разсѣченны. —
Ты забылъ веселья, почести,
Градъ Черниговъ, золотый престолъ,
Животы, богатства отчески,
Милы прихоти, обычаи,
Кротость нрава и привѣтливость
Молодой супруги, Глѣбовны....
Чѣмъже больше дорожить тебѣ?....

Что за шумъ, за звукъ тамъ слышится
Рано предъ зарею утренней? —
Игорь съ храброй ратью двинулся;
Всеволода стало жаль ему,
Брата милаго, отважнаго.
Отъ зари до позда вечера,
Съ вечера до свѣта бѣлаго
Свищутъ стрѣлы раскаленныя.
Чу! гремятъ о шлемы саблями;
Копья, чу! трещатъ булатныя
Во поляхъ для насъ незнаемыхъ,
Средь широкихъ, Половецкихъ странъ.
Подъ копытами черна̀ земля
Воиновъ костьми засѣяна,
Полита повсюду кровію! —
Бились день, другой тожъ билися;
А на третій, въ часъ полуденный,
Пали знамена̀ у Игоря....

Тутъ-то братья разлучилися
На брегахъ Каялы быстрыя.
Не достало у Князей вина,
Горкаго вина, кроваваго!
Храбры Руссы пиръ тутъ кончили,
Напоивши сватовъ до пьяна.
Самижъ (о невзгода страшная!)
Полегли за землю Рускую.

Травы вянуть, сохнуть съ жалости,
Лѣсъ свою кудряву голову
Отъ печали приклонилъ къ землѣ.
Ахъ, пришелъ на насъ злощастный годъ!

Перестали нападать Князья
На невѣрныхъ непріятелей;
Но братъ брату говоритъ уже́:
,,Се мое, и то моежъ буде́тъ.,,
Начали Князья за малое
Ссориться, какъ за великое,
Крамолы ковать другъ на друга!
Нечестивыежъ со всѣхъ сторонъ
Шли съ побѣдой въ землю Рускую.
Съ радости Жля, Карна вскликнули
Прискакавши въ землю Рускую,
Стали сѣчь мечемъ, жечь пламенемъ!...
Жены Рускія восплакавши,
Изпустили голосъ жалостный:
,,О своихъ красавцахъ, милыхъ намъ,
,,Даже мыслію не взмыслити,
,,Думою ниже воздумати,
,,Ни очами не увидѣть ихъ!
,,Зла́та своего лишились мы!,, —

Кіевъ возстеналъ отъ горести,
А Черниговъ отъ невзгоды злой.

Разлилась тоска несносная
По землѣ княженій Руских всѣхъ;
Тяжкая печаль, смертельная
Ходитъ по среди Россіи всей,
Духъ ея и сердце твердое
Потрясаетъ: всѣ колеблются....
Но Князья не прекращаютъ ссоръ!
Нечестивые, безсильную
Разоряютъ землю Рускую....
Рыщутъ съ злобой со двора на дворъ,
И берутъ по бѣлкѣ съ каждаго.

Приуныли стѣны Кіева,
Главы башенъ нисклонилися,
Помрачилося веселіе!
Святославу худо грезилось;
Такъ боярамъ онъ разсказывалъ:

,,На горахъ высокихъ Кіевскихъ,
,,На тесовую кровать меня
,,Положивъ, одѣли съ вечера
,,Черным кровомъ съ головы до ногъ;
,,Подносили съ ядомъ смѣшано
,,Синее вино и мутное;
,,Изъ пустыхъ колчановъ сыпали
,,Крупны жемчуги на лоно мнѣ,
,,Взятые изъ грязныхъ раковинъ;

„Какъ дитя, меня всѣ нѣжили.
„Златоверхій будто теремъ мой
„Былъ безъ верхней перекладины.
„Сидя у Плѣнска на выгонѣ,
„Дебри на древахъ Киссановой,
„Во всю ночь до свѣта бѣлаго
„Бусовы зловѣщи филины
„Каркали, и не летѣли прочь
„На добычу къ морю синему.„

Тутъ рекли бояра Князю ихъ:
„Грусть давно тягчитъ умы у насъ;
„Князь! познай кручину общую:
„Два слетѣли ясны сóкола
„Съ твоего престола отческа
„Доставать Тмутаракань себѣ;
„Но, увы! Половчанъ саблями
„Крылія у нихъ обрублены:
„Соколы, лишенны крыліевъ,
„Во опутины желѣзныя
„Нечестивыми уловлены!„ —

Ветхій деньми Святославъ тогда,
Съ горкими слезами смѣшано,
Золотое слово выронилъ:
„Сыновья мой любезные,
„Игорь храбрый, мощный Всеволодъ!

„Рано стали завоевывать
„Дальну землю Половецкую;
„Рано вы о славѣ взмыслили.
„Въ одолѣнніи безчестнѣйшемъ,
„Въ крови, пролитой неправедно,
„Славы суетной искали вы....
„Какъ сердца у васъ безжалостны!
„Изъ булата крѣпка скованы,
„Въ буйствѣ бѣдственномъ закалены. —
„Я сего ли ожидалъ отъ васъ
„При сребристой сѣдинѣ моей?
„Я не вижу власти сильнаго,
„Многовойнаго, богатаго
„Ярослава, брата мощнаго,
„Со боярами Чернигова,
„Со Могутами, Татранами,
„Со Шелбирами, Топчаками,
„Со Ревугами, Ольберами,
„Кои безъ щитовъ, съ кинжалами
„Побѣждали войска криками,
„Славясь храбростію прадѣдовъ. —
„Нѣтъ ихъ болѣе, не вижу я!

„О бѣда моя! нещастіе!
„Въ комъ искать подпоры старому?
„Нѣтъ, увы! Князей, дѣтей моихъ:
„Вотъ какъ время перемѣнчиво! —

„Тамъ Уримъ кричитъ подъ саблями;
„Володимиръ стонетъ ранами,
„Отъ Половчанъ полученными;
„Горе, горе сыну Глѣбову!„

О Давидъ и Рурикъ славные!
Иль не ваши позлащенные
Во крови шеломы плаваютъ?
Иль не ваши братья храбрые,
Какъ волы копьемъ израненны,
Во поляхъ тамъ испускаютъ ревъ?
Славные Князья, могучіе!
Станьте въ крѣпки стремена златы;
Отомстите, отомстите вы
За Россію, мать родную намъ,
За обиду вѣка нашего
И за раны князя Игоря!

О прехрабрые Романъ, Мстиславъ!
Умъ вашъ твердый и рѣшительный,
Мысль отважная и быстрая
Воскриляютъ къ смѣлымъ подвигамъ.
Какъ соколъ, птица залетная,
Гордо въ воздухѣ ширяяся,
Къ пораженью хищныхъ птицъ паритъ:
Такъ вы смѣло возлетаете,
Въ быстрыхъ, важныхъ предпріятіяхъ.

Ярославъ-осмомыслъ Галицкій,
Высоко ты, высоко сидишь
На пресотлѣ златокованномъ!
Подперъ горы ты Венгерскія
Ратію своей желѣзною.
Заградилъ ты кораблямъ пути,
Затворивъ врата Дунайскія.
Грузы тяжкіе, великіе
Ты велишь метать чрезъ облаки.
Въ дальнихъ ты земляхъ солтановъ бьешь.
Застрѣли Кончака злобнаго,
И Кощея злочестиваго.
Отомсти за землю Рускую
И за раны Князя Игоря!

Ингварь и могущій Всеволодъ,
И вы трое всѣ Мстиславичи,
Славнаго гнѣзда великаго
Птицы шестокрылы, быстрыя!
Не гремящимиль побѣдами
Власти вы своей достигнули. —
Ляцкій щитъ, копье и шлемъ златый
Тускнуть должны ли безъ дѣйствія?
Въ поле часто заградите вы
Ворота стрѣлами острыми.
За Россію, мать родную намъ,
За несчастнѣйшаго Игоря
Заступитеся, отмстите вы! —

Буйные, о какъ далече вы
Отъ слѣдовъ отстали прадѣда!
Вы крамолами, раздорами
Навлекли на землю Рускую
Злочестивыхъ непріятелей;
Погубили жизнь Всеславову!
Былоль время, чтобъ насиліе
Мы терпѣли отъ Половчанъ злыхъ?...
Тамъ сноповъ на мѣсто головы
Стелютъ подъ цѣпы булатные,
Тамъ на токъ животъ людей кладутъ,
Отвѣваютъ душу отъ тѣла;
Тамъ брега окровавленные
Немиги рѣки не быліемъ,
Рускими костьми засѣяны!
Врагъ течетъ ужъ къ граду Кіеву
Будто дикій, ярый, тощій звѣрь.
Но Боянъ изрекъ, и вѣрно то:
„Кто бы хитръ какъ и быстёръ ни былъ,
„Хоть летѣлъ бы къ небу птицею,
„Не минетъ суда онъ Божія„ —

Руская Земля! стонать тебѣ,
Вспоминая годы прежніе
И Князей гремѣвшихъ славою.
Смѣлъ ли кто когда Владимира
Приковать къ утесамъ Кіевскимъ?

А теперь его знамена всѣ
Рурикъ и Давидъ похитили!
И (какой ужасный стыдъ, позоръ!)
Ихъ неизбранные воины,
Но волы, поля орющіе,
Носятъ на рогахъ возвышенныхъ!...
Можноль Рускимъ не стонать теперь?...

Ярославнинъ голосъ слышится
На стѣнѣ Путивля города:
„Полечу я, говоритъ она,
„По рѣкѣ Дунаю зегзицей,
„Омочу рукавъ бобровый мой
„Во струяхъ Каялы быстрыя,
„Раны оботру кровавыя
„На жестокомъ тѣлѣ милаго.„ —

Ярославнинъ голосъ слышится
На стѣнѣ Путивля города:
„О Вѣтрила, Вѣтры буйные!
„Вы зъ чему такъ сильно вѣете?
„Стрѣлы Хиновски взвѣваете
„Вы за что на храбрыхъ воиновъ
„Моего супруга милаго?
„Или мало горъ вамъ каменныхъ
„Возносящихъ къ облакамъ верхи? —
„Вы бушуйте средь песковъ и водъ,

„Корабли носите по морю:
„Но за чѣмъ мое веселіе
„По стѣнамъ пустымъ развѣяли?„ —

Ярославнинъ голосъ слышится
На стѣнѣ Путивля города:
„Быстроточный и преславный Днѣпръ!
„Ты пробилъ всѣ горы каменны
„Сквозь всю землю Половецкую;
„Ты насады Святославовы
„На себѣ лелѣелъ много разъ,
„Ихъ носилъ къ полку Кобякову; —
„Прилелѣй скорѣй назадъ ко мнѣ
„Моего супруга милаго.
„Я бы рано посылать къ нему
„Перестала слезы по морю!„ —

Ярославнинъ голосъ слышится
На стѣнѣ Путивля города:
„О ты Солнце, Солнце свѣтлое!
„Ты тепло, красно и ясно всѣмъ;
„Но за что лучъ знойный бросило
„На отважныхъ, храбрыхъ воиновъ,
„Моего супруга милаго?
„Въ полѣ для чего безводномъ ихъ
„Мучишь жаждою несносною?

„Луки засушило гибкіе,
„И къ нещастію колчаны всѣхъ
„Закрѣпило жаромъ накрѣпко!„ —

Взволновались воды въ полночи;
Сморци съ мглою въ верхъ подъемлются;
Богъ путь кажетъ Князю Игорю
Отъ Половчанъ въ землю Рускую,
Ко престолу Святославову.
Свѣтъ погасъ зари вечернія;
Все вкругъ спитъ: но Игорь бодрствуетъ;
Въ полночь измѣряетъ мысленно
Отъ Дону поля лежащія
Ко Донцу, землѣ отеческой.
За рѣкою вдругъ раздался свистъ:
Овлуръ знакъ тѣмъ подалъ Игорю,
Что осѣдланъ борзый конь ему. —

Застонала мать сыра земля,
Зашумѣли травы на полѣ,
Половецки вѣжи двинулись
И какъ будто бы воскликнули:
„Князю Игорю въ плѣну не быть!„
Къ тростнику Князъ горностаемъ бѣгъ,
По водѣ пускался гоголемъ;
На коня то вскочитъ борзаго,
То соскочивъ съ него, какъ волкъ босый
Мчится къ лугу отъ Донецкому.

*

Вдругъ брега Донца воскликнули:
„Слава Игорю, величіе!
„Руской области веселіе,
„А Кончаку огорченіе.„ —

„О Донецъ! и ты прославился;
„Ты лелѣялъ на волнахъ своихъ
„Князя Игоря Россійскаго,
„Стлалъ зеленую траву ему
„На брегахъ твоихъ серебряныхъ,
„Одѣвалъ парами теплыми
„Подъ древами сѣнолистными,
„На водахъ хранилъ какъ гоголя,
„На струяхъ какъ чайку легкую,
„Или чернядь пестроперую.„ —
Игорь такъ Донцу отвѣтствовалъ.

Что въ дали за стрекотъ слышится?
То Кончакъ со Гзакомъ рыскаютъ
По слѣдамъ утекша Игоря...
Тишина повсюду царствуетъ:
Черны вороны не каркаютъ,
Галки сѣрыя умолкнули
И сороки стрекотливыя;
По древамъ лишь дятлы ползая,
По рѣкѣ путь кажутъ добленьемъ;
Соловьи веселымъ пѣніемъ

Свѣтъ дневный уже повѣдаютъ.
Свѣжій слѣдъ увидя Игоря,
Гзакъ къ Кончаку обращаетъ рѣчь:
„Коль соколъ отъ насъ къ гнѣзду летитъ,
„Такъ въ младаго соколенка мы
„Пустимъ стрѣлы позлащенныя.„
А Кончакъ Гзаку отвѣтсвуетъ:
„Упустивши сокола изъ рукъ,
„Молодаго соколенка мы
„Красной дѣвицей опутаемъ.„
Нѣтъ, на то сказалъ Кончаку Гзакъ:
„Естьли мы его опутаемъ
„Красной дѣвицей, пригожею,
„Ни дѣвицы, ни соколика
„Не увидимъ здѣсь мы болѣе;
„Прилетятъ къ намъ птицы Рускія,
„Насъ начнутъ своими крыльями
„Бить средь поля Половецкаго.„

Краснорѣчивый Боянъ изрекъ:
„Тяжело быть головѣ безъ плечъ,
„Худо тѣлу быть безглавому;
„Такъ Россіянамъ безъ Игоря! —
„Какъ на небѣ солнце свѣтится,
„Такъ Князь Игорь въ Руской области.„ —

Бодрость, мужество, веселіе
Съ Княземъ вмѣстѣ возвратилися.

Раздаются пѣсни Руских дѣвъ,
Голоса несутся нѣжные
Черезъ море къ граду Кіеву. —
Игорь ѣдетъ по Боричеву,
Къ Пирогощей Богородицѣ.
Радости страны исполнились,
Разлилось въ градахъ веселіе:
Старые Князья прославлены,
И младые возвеличены.
Пѣснь была воспѣта Игорю,
Князю Всеволоду буйтуру.

Нечестивыхъ Истребители,
Вѣры истинны Поборники,
Здравствуйте, Князья съ дружиною! —
Слава вамъ и лѣта многія!

П. Язвицкій.

ПОСЛАНІЕ

къ * . . . . * . . . . * . . . .

Пусть Буало твердитъ, что надъ стихами вѣкъ
Безпутно просидѣть не долженъ человѣкъ;
Я признаюсь, себя тѣмъ часто забавляю,
Что рифму съ разумомъ, мой Другъ, совокупляю.
Пускай, водимыя враждебною рукой,
Досады спутствуютъ съ забавою такой,
Пусть Музы иногда мнѣ гнѣвны и суровы:
На Пиндѣ нахожу себѣ веселья новы;
Но больше бы стократъ любилъ я Геликонъ,
Когдабъ не столько строгъ къ пѣвцамъ былъ Аполлонъ.
Сей лучезарный богъ дерзающимъ въ храмъ славы
Назначилъ тѣсный путь и тяжкіе уставы;
Онъ требуетъ отъ нихъ, чтобъ мысль всегда была,
Какъ чистый лучь его, безмрачна и свѣтла,
Чтобъ слово ни одно не вкралося напрасно,
Чтобъ представлялась вещь съ природою согласно,
Чтобъ даръ вездѣ сіялъ, и быстрый огнь пѣвца
Разлившися зажегъ читателей сердца,
Чтобы паденье стопъ, отъ смысла неразлучно,
Для слуха нѣжнаго гремѣло плавно, звучно,

Чтобы ?... Но кто сочтетъ неизчислимость узъ?
Кто можетъ угодить разборчивости Музъ?
Я первый волю ихъ не рѣдко нарушаю,
И воду изъ Кубры въ Кастальскій токъ мѣшаю.
То изломзю ямбъ, то риому зацѣплю,
То ровно пополамъ стиха не раздѣлю,
То, за отборными гоняяся словами,
Покрою мысль мою густыми облаками;
Однако Музъ люблю на лирѣ величать,
Люблю писать стихи и отдавать въ печать.—
Строками съ риомами, скажи, кого обижу?
И самому себѣ отъ нихъ бѣды не вижу. —
Не станутъ ихъ хвалить, мнѣ дальней нужды нѣтъ,
Ихъ Глазуновъ продастъ, а кто нибудь прочтетъ;
Когда мои стихи покажутся въ столицу,
Не первые пойдутъ обвертывать корицу,

Мнѣ старость на главу тяжелою рукой
Пускай набросила полъ вѣка съ сѣдиной;
Повѣрь, что лѣтъ моихъ для Музы не убавлю
И въ доказательство я Буало представлю:
Въ мои года писалъ стихами Буало,
Шутилъ затѣйливо, остро, пріятно, зло.

Не ставя въ рядъ себя къ пѣвцамъ вѣнчаннымъ славой,
Довольно, что стихи считаю я забавой.
Ничей отъ нихъ меня не отвратитъ совѣтъ:
Хвала правительству! — На риомы пошлинъ нѣтъ!

Какъ можетъ Бабочкинъ, съ поблеклыми власами,

Климене докучать свиданія часами;
Съ подагрой, кашлемъ онъ къ Амуру подлетя,
Пугаетъ, иль смѣшитъ коварное дитя.

Бичевъ, въ Петрополѣ явясь изъ края свѣта,
Сіяетъ на бѣгу какъ новая комета.
Онъ носится какъ вихрь, ристанья чинъ храня;
Онъ выю извернувъ неистова коня,
Мечтаетъ, что ему завидуютъ всѣ боги,
Коль бѣгуна его рѣзвѣе прочихъ ноги.

Обжоркинъ каждый день для всѣхъ твердитъ одно,
Чтобъ сытный былъ обѣдъ и вкусное вино;
Изволитъ завтракать бифстексомъ и росбифомъ;
Потомъ въ Милютины, не справяся съ Тардифомъ
Отколѣ и когда приходятъ корабли,
За кажду устрицу бросаетъ два рубли.
Готовясь пировать на свадебномъ обѣдѣ,
Успѣетъ завернуть пить шоколадъ къ Ларедѣ.
Онъ счастливъ, внѣ себя за лакомымъ столомъ;
Онъ любитъ Перигю, онъ съ стерлядьми знакомъ; —
Глазами жадными всѣ блюды пожираетъ:
На гуся цѣлитъ, ѣстъ пирогъ, форель глотаетъ,
Котлетовъ требуетъ, или заводитъ рѣчь,
Чѣмъ сдобрить винегретъ, какъ вафли должно печь.
А послѣ кинется на виноградъ и сливы,
На дули, яблоки, на сочныя оливы.
Тамъ время полдничать, тамъ ужинать пора;
Онъ упражненъ ѣдой до полночи съ утра. —

Обжоркину жена, и совѣсть, и разсудокъ,
Дары и почести одинъ его желудокъ.

Шаталовъ, тотъ слуга покорный всѣхъ вельможъ,
Который разсѣвать привыкъ повсюду ложъ,
Въ восторгѣ, ежели, при музыкальномъ громѣ,
Провѣсти скажетъ: „Ихъ я слышалъ въ знатномъ домѣ."

Для дѣлъ и для забавъ у всякаго свой вкусъ,
Въ ихъ выборѣ отнюдь не налагаютъ узъ;
Что Вабочкину здѣсь, Шаталову возможно,
Тѣмъ пользоваться мнѣ за чѣмъ, скажи, не должно?
Такъ; — каждый для себя веселье изготовь;
Ихъ забавляетъ бѣгъ, столъ, вѣсти и любовь:
Пусть тѣшатся они въ сей жизни шумомъ, стукомъ,
Я веселюсь твоимъ пріятнымъ, Муза, звукомъ. —
Мнѣ въ Лафонтенѣ баснь отрадно прочитать;
Люблю переложить ее на Русску стать;
Люблю, склоняя слухъ къ Расина скорби, стону,
Принудить у Невы крушиться Герміону.
Люблю Горація высокой мысли громъ
Своимъ на сѣверѣ изображать перомъ;
Но пѣснопѣнія болѣзнію не стражду
И лавровъ на главу зеленыхъ я не жажду.
Случалось нѣсколько текло на свѣтѣ лѣтъ,
Что самъ я забывалъ о томъ, что былъ поэтъ;
Не мня, что скудный даръ отечеству заслуга,
Люблю я посѣщать Парнасъ среди досуга.

Быть можетъ къ счастію въ толпѣ стиховъ моихъ

Внушенный Музами одинъ найдется стихъ,
Быть можетъ знатоки почтутъ его хвалами,
Украсятъ гробъ пѣвца пріятели цвѣтами
И съ чувствомъ оцѣнятъ не мыслей красоту;
Но обороты словъ; но сердца простоту.

Графъ Хвостовъ.

КЪ ДРУГУ,

ВЪ ЕГО УЕДИНЕНІЕ.

Оставь свое уединенье,
Любезный мой Анахоретъ,
Оставь то мрачное забвенье,
Въ которомъ жизнь твоя течетъ.
Тебѣль для счастія рожденну,
Честьми, богатствомъ надѣленну,
Въ пустынѣ дни свои влачить
И тщетно землю бременить?

Тебя ущедрила дарами
Еще фортуна въ пеленахъ,
Твой путь усѣяла цвѣтами,
Взлелѣявъ на своихъ рукахъ;
Тебя отъ бѣдствій оградила,
Печать блаженства положила,
На ясное твое чело;
Въ пустыню чтожъ тебя влекло?

Ужель даровъ сихъ пресыщенье
Въ бездѣйство духъ повергло твой,
Иль бурное страстей волненье,

Или борьба съ самимъ собой?
Но знай, подъ тѣнью сельскихъ кущей,
Во время юности цвѣтущей
На вѣкъ сокрывшись отъ людей,
Ты все не избѣжишь страстей!

Вездѣ, мой Другъ, бунтуютъ страсти
И всюду тотъже человѣкъ;
Въ какой бы смертный ни былъ части
Онъ заблужденій не далекъ;
И самое уединенье
Вмѣнить намъ должно въ преступленье,
Когда спѣшимъ подъ сѣнь его
Изъ себялюбья одного.

Законы общества священны:
Нашъ долгъ ихъ твердо сохранять;
Мы въ свѣтъ къ взаимности рождонны,
Почтожъ намъ узлъ сей разторгать?
Почто себя однихъ жалѣя,
О благѣ общемъ не радѣя,
На бѣдствія другихъ людей
Взирать съ холодною душей?

Мой Другъ, на свѣтѣ все превратно;
Брегись: въ немъ случай властелинъ!
Мы видѣли не однократно,

Что все рѣшаетъ мигъ одинъ.
Твори добро другимъ въ несчастьи,
Чтобъ послѣ самому въ ненастьи,
На трудномъ жизни сей пути
Убѣжище себѣ найти.

Не все попутный вѣтеръ вѣетъ
И солнце свѣтитъ въ небесахъ,
Не вѣчно насъ судьба лелѣетъ
И счастье нѣжитъ на рукахъ;
Кто знаетъ? можетъ быть и вскорѣ
Запѣнится бурливо море,
Взкипитъ — и бездна ярыхъ волнъ
О камень раздробитъ твой челнъ!

Но чтобы въ помощи надежной
Тебѣ отчаянну не быть,
Спѣши, страшась судьбы мятежной,
Съ людьми союзъ возобновить;
Не всѣхъ ихъ зависть обуяла,
Не всѣмъ корысть предметомъ стала,
Есть люди, коихъ честь удѣлъ;
А жизнь, лишь цѣпь похвальныхъ дѣлъ.

Не мракъ пустынна заключенья,
Не одиночества обѣтъ
Защита намъ отъ заблужденья,
Среди мечтаній юныхъ лѣтъ;

Совѣтъ, примѣромъ подтвержденный
И мудрымъ опытомъ внушенный,
Ведетъ кратчайшею стезей
Къ добру, къ блаженству нашихъ дней!

Почтожъ тебѣ людей чуждаться
И міру безполезнымъ быть,
Отъ зла въ тѣни лѣсовъ скрываться —
И зло бездѣйствіемъ творить?
Почто, не знавъ добра прямаго
Ни для себя, ни для другаго,
Безвѣстнымъ жить среди степей?
Бѣги порока — не людей!

Кто цѣну наслажденьямъ зная
Въ желаньяхъ мѣру сохранитъ,
Того и въ свѣтѣ страсть слѣпая
Съ пути добра не совратитъ.
Кто рветъ цвѣты одной рукою
И дѣлитъ съ ближнимъ ихъ другою
По гласу сердца своего,
Они не блекнутъ для того. —

Когдажъ ты, Витязь мой желанный,
Предстанешь, съ радостнымъ челомъ,
Въ кругу друзей сосудъ заздравный
Наполнить пѣнистымъ виномъ;

Когда за тра́пезой приемной,
Возторгомъ тихимъ вдохновенной,
Привѣтствовать ты будешь вновь
Веселье, дружбу и любовь?

Приди разцвѣсть опять душею
И въ мірѣ насладись утѣхъ;
Покинь въ степяхъ печаль съ тоскою:
Мой Другъ, веселіе не грѣхъ!
Когда мы съ совѣстью въ покоѣ,
Почто намъ время дорогое
Въ мечтаньяхъ суетныхъ губить,
И только по разсчету жить?

Смотри, ужъ вѣтръ благополучный
Твои взвѣваетъ паруса!
Спѣши оставить берегъ скучный
Доколь безмрачны небеса.
Но пусть и бездна вкругъ зіяетъ,
Коль челнъ надежда управляетъ,
Коль вѣра и любовь съ тобой —
Счастливо путь ты кончишь свой!

С. Жихаревъ.

АРИСТИППОВА БАНЯ.

Что вы Аркадскія утѣхи,
Темпейскій долъ, Гесперскій садъ,
Цитерски рѣзвости и смѣхи —
И скрытыхъ тысящи прохладъ,
Средь рощь и средь пещеръ тѣнистыхъ
Между цвѣтовъ и токовъ чистыхъ —
Предъ тѣмъ, гдѣ Аристиппъ 1) живетъ?
Что вы? — Домъ полнъ его довольствомъ,
Свободой, тишиной, спокойствомъ, —
И всѣхъ блаженствъ онъ чашу пьетъ.

Жизнь мудраго, — жизнь наслажденья
Всѣмъ тѣмъ, — природа что даетъ,
Не спать въ свой вѣкъ, и съ попеченья
Не чахнуть, коль богатства нѣтъ;
Знать малымъ пробавляться скромно;
Жить съ беззаконными законно;

1) Греческій Философъ, жившій за 400 лѣтъ до Рожд. Христова.

Чтить доблесть, не любить порокъ;
Со всѣми и всегда ужиться;
Но только съ добрыми дружиться:
Вотъ въ чемъ былъ Аристиппов толкъ!

Взгляните жъ на него! — Онъ въ банѣ. —
Се роскоши и вкуса храмъ!
Цвѣтъ розъ разсыпанъ на диванѣ;
Какъ тонка мгла иль фиміамъ
Завѣса вкругъ его сквозится;
Взоръ всюду изъ нея стремится,
Въ неежъ чуть вѣетъ вѣтерокъ;
Льетъ — чрезъ каминъ сквозь сводъ, въ купальню,
Въ книгохранилище и спальню,
Огнистый съ шумомъ ручеекъ.

Онъ нѣжится — и Апеллеса
Картины вкругъ его дышатъ;
Сверкаютъ битвы Ахиллеса;
Сократъ съ улыбкою пьетъ ядъ;
Звучатъ пиры Анакреона;
Видна и ссылка Аполлона —
Стада пасетъ какъ по землѣ,
Какъ съ Музами свирѣлку ладитъ,
Въ румянецъ розъ пастушекъ рядитъ:
Цвѣтетъ спокойство на челѣ.

Иль миртъ подъ тѣнью, подъ луною
Онъ зритъ на чистомъ ручейкѣ
Наяды плещутся водою,
Шумятъ — и хохотъ въ далекѣ
Погодкою повсюду мчится;
Отъ тѣлъ златыхъ кристаллъ златится
И прелесть свѣтится сквозь мракъ.
Все Старцу изъ окна то видно;
Но Нимфъ невинности не стыдно,
Что скрытый съ нихъ не сводитъ зракъ.

А здѣсь — въ сосѣдственномъ покоѣ
Въ очкахъ друзей его соборъ, —
Надъ книгой — видной на налоѣ,
Сидитъ, склоня думъ полный взоръ,
Стиховъ его занявшись чтеньемъ;
Младая дщерь на цитрѣ пѣньемъ
Между фіяловъ вторитъ ихъ. —
Гласъ мудрости живѣй несется,
Какъ дѣвъ онъ съ розовыхъ устъ льется,
Подобно медъ съ сотовъ златыхъ.

„О Смертные!„ — поетъ Арета: 1)
„Коль странники страны вы сей,
„Вкушать спѣшите благи свѣта:

---

1) Дочь его, имъ воспитанная, была дивомъ красоты и добродѣтели своего времени.

*

„Теченье кратко вашихъ дней.
„Блаженствы намъ даруетъ время;
„Бываетъ и порфира бремя, —
„И не прекрасна красота.
„Едино счастье въ томъ неложно,
„Коль услаждать духъ съ чувствомъ можно;
„А все другое — суета.

„Не въ томъ бѣда, чтобъ чѣмъ прельщаться;
„Бѣда, — пороку сдаться въ плѣнъ.
„Не долженъ мудрымъ называться,
„Кто духа твердости лишенъ.
„Но естьли тѣлу угождаемъ
„И душу благостьми питаемъ:
„Почто съ небесъ перуна ждать?
„Для жизни человѣкъ родится,
„Его стихія — веселиться;
„Лишь нужно страсти побѣждать. —

„И въ счастіи не забываться,
„Въ довольствѣ помнить о другихъ;
„Добро творить не собираться,
„А должно дѣлать, — дѣлать въ мигъ.
„Вотъ мудра мужа въ чемъ отличность! —
„И будетъ ли вредна тутъ пышность,
„Коль мvро на браду занесъ
„И часъ — въ домъ Царскій призываетъ?

„Но сирота пришелъ, рыдаетъ:
„Онъ всталъ, — отеръ его токъ слезъ.

„Порочноль и столо̀въ обилье,
„Блескъ блюдъ, винъ запахъ, сладость яствъ.,
„Коль гонятъ прочь они уныньe,
„Крѣпятъ здоровье, — и пріятствъ
„Живутъ душей, друзьямъ въ досугахъ;
„Коль тучный полкъ стоитъ въ прислугахъ
„И съ гладу вкругъ не воютъ псы?
„Себя лишь мудрый умѣряетъ,
„И смерть, какъ гостью, ожидаетъ, —
„Крутя задумавшись усы.„

Но вдругъ вошли, пресѣкли пѣнье,
Отъ Діонисья три жены,
Мужамъ рожденны на прельщенье:
Какъ нощь — власы; лицомъ — луны;
Какъ небо — голубыя взоры;
Блескъ устъ, ланитъ ихъ, — блескъ Авроры;
И холмы — въ даръ ему плодовъ,
При персяхъ, отдаютъ въ прохладу. —
„Хвала Царю, рекъ, за награду;
„Но выдте вонъ; — я Философъ.„

Какъ? — нѣтъ, Мудрецъ! скорѣй винися,
Что ты лишь слабостью не слабъ.

Безъ зубъ воздержностью не дмися:
Всякъ смертный — изкушенья рабъ.
Блаженъ, и въ средственной кто долѣ
Возмогъ обуздывать по волѣ
Своихъ стремленье прихотей!
Но быть богатымъ, купно святу,
Такъ трудно, — какъ орлу крылату
Иглы сквозь пролетѣть ушей.

Державинъ.

РАЗСУЖДЕНІЕ

о причинахъ побудившихъ Горація написать Сатиру 3ю первой книги.

Августъ, довершивъ порабощеніе Рима начатое Юліемъ Цесаремъ, умѣлъ сохранить власть свою притворнымъ уваженіемъ къ народной свободѣ и тщательнымъ соблюденіемъ наружностей въ обрядахъ республиканскаго правленія. Онъ царствовалъ; но подъ именами Консула и Трибуна, столь священными для Римскаго гражданина и съ коими сопряжены были всѣ лестныя воспоминанія о славѣ и могуществѣ Имперіи [1]). Въ такомъ положеніи можно о немъ сказать, что не имѣя *двора*, онъ имѣлъ *придворныхъ*; и не называясь *Царемъ*, окруженъ былъ *царедвор-*

1) Non regno tamen, neque Dictaturâ sed Principis nomine constitutam Rempublicam. — Tacit: Ann. Lib I. C. IX.

цали. Что нужды въ прочемъ до званія: гдѣ могущество, тутъ на вѣрно и льстецы! Въ числѣ людей составляющихъ челядь сію, были завистники Горація и Виргилія. Ума посредственнаго человѣкъ ни чѣмъ такъ не оскорбляется, какъ преимуществами, которыя даютъ дарованія; и по сему заключить можно, что Виргилій и Горацій *оскорбили* не одного изъ тѣхъ, которые окружали Августа и Мецената.

Но какъ придраться злословію къ такимъ людямъ, которыхъ ни въ чемъ не льзя было укорить; которые не искали у Августа ни Эдильства, ни Преторства, и изъ коихъ одинъ стязался только съ Пиндаромъ, а другой возхотѣлъ и раздѣлилъ съ пѣвцомъ Боговъ вѣнецъ, до котораго, чрезъ тысячу лѣтъ, ни кто и коснуться не смѣлъ? — На злословіе положиться можно: оно найдетъ къ чему привязаться.

Виргилій былъ неловокъ въ обществѣ. Унылость его, коей отпечатокъ виденъ

почти на каждой страницѣ Энеиды, казалась поверхностнымъ наблюдателямъ угрюмостью. Въ шумной бесѣдѣ, за столомъ у Мецената, которой Августъ называлъ Mensa Parasitica, гдѣ пустомели, на перерывъ другъ у друга, старалися вымолвить колкое словцо, онъ болѣе отмалчивался; а иногда, выйдя изъ терпѣнія, давалъ *Параситамъ* симъ чувствовать свое презрѣніе. — Такой человѣкъ не могъ имъ нравиться. *Быть въ милости у Августа и Мецената, и не умѣть цѣнить наше общество! не участвовать въ острыхъ, замысловатыхъ нашихъ разговорахъ! уродъ!* говорили они: и подлинно *уродъ!* только не въ обыкновенномъ смыслѣ слóва сего. Между тѣмъ, какъ подлые насмѣшники (не имъ замѣченные, а другомъ его Гораціемъ) на щетъ его перешептывались и шутили, соперникъ Омира мечталъ: *смерть Дидоны; пораженіе Лауза; Мезентово отчаяніе; погребальный ходъ Палланта*; и можетъ быть въ то самое время, когда задумчивость его возбуждала улыбку кощунства, онъ составлялъ въ воображеніи своемъ тотъ безсмертный,

неподражаемый стихъ, которымъ въ пяти словахъ онъ сказалъ, что последнее умирающее въ благородной душѣ чувство есть — *Любовь къ отечеству!* — et dulces moriens reminiscitur Argos.

Къ Горацію труднѣе было привязаться и наипаче опаснѣе зацѣпить его: Сатира въ рукахъ его была орудіе отъ котораго ненавистники его трепетали. Сколько уменъ, столько и ловокъ въ обществѣ, чистъ и непороченъ въ домашней жизни; возможности не было злословію явно на него напасть, и для того прибѣгло оно къ обыкновенному въ такомъ случаѣ способу, язвить изъ подтиха, описывая его человѣкомъ хитрымъ, безъ правилъ, безъ вѣры, коего нравственныя начáла принаравливаются ко всякимъ обстоятельствамъ такъ, что на Филиппійскихъ поляхъ при Брутѣ, онъ былъ республиканцемъ, а въ Эсквилинскомъ зáмкѣ Мецената ласкателемъ временщика и угодникомъ единоначалія въ особѣ Октавіана.

Я не отрицаюсь отъ пристрастія къ Горацію: всѣ тѣ которые занимаются исключительно какимъ нибудь классическимъ автеромъ легко впадаютъ въ погрѣшность сію; а я, давно упражняясь въ разборѣ законодателя вкуса, не избѣжалъ конечно общаго жребія и утѣшаюсь только тѣмъ, что предпочтеніе мое къ Горацію извинительнѣе, чѣмъ Бребёфово къ Лукану; но не смотря на то, пристрастіе мое не столько еще слѣпо, чтобъ я не захотѣлъ признаться въ томъ, что весьма трудно совершенно оправдать Горація въ непостоянствѣ политическихъ его мнѣній. — Сперва приверженецъ Брута и Кассія, потóмъ по истребленіи ихъ партіи, обожатель Августа: можно не безъ причины о немъ сказать, что подобно баснословному Протею, онъ по обстоятельствамъ принималъ на себя рязные виды; и я на сей случай, хотя не охотно, но долженъ согласиться, что обвиненіе не вовсе безъ основанія. Однакоже, чтобы оправдать въ немъ, если не Римскаго гражданина, такъ по крайней мѣрѣ человѣка, то да позволено мнѣ будетъ

бѣгло окинуть глазомъ состояніе общества во время Августа относительно ко вліянію Философскихъ мнѣній на политическій составъ Имперіи и взаимно политическихъ обстоятельствъ на Философію. Можетъ быть взглядъ сей послужитъ намъ доказать, что въ сіе нещастное для Республики время, не оставалось другаго честному человѣку, какъ или умереть Катономъ, или жить Гораціемъ.

Упоенные славою властолюбія Римляне, долго не знали другихъ ума наслажденій кромѣ тѣхъ, которыя даруетъ народная гордость, въ полной мѣрѣ удовлетворенная преодолѣніемъ всѣхъ препятствъ и покореніемъ всѣхъ враговъ. Осьмой вѣкъ бытія *безсмертнаго Рима* видѣлъ его владѣющимъ надъ всѣмъ почти пространствомъ извѣстнаго тогда міра и надъ просвѣщеннѣйшею частію рода человѣческаго. Достигнувъ до такой высоты, обладатель свѣта, Римъ, не избѣжалъ общаго жребія всѣхъ государствъ: онъ началъ клониться къ паденію своему по той причинѣ, что уже

не возможно было ему подыматься выше. Безмѣрной величины колоссъ возрасталъ безъ прерывно до тѣхъ поръ, пока не потерялъ равновѣсія своего; и хотя бы сего одного достаточно было къ низпроверженію онаго, но къ пагубной тяжести его присовокупилися еще и дугія причины, мѣнѣе явныя, но не мѣнѣе дѣйствительныя къ поколебанію основанія его. Аѳиняне, сіи любимыя дѣти природы, которыя во дни младенчества Рима, не многими тысячами свободныхъ гражданъ истребили миліонъ рабовъ Персидскаго деспота; во дни Персея и Ахейскаго союза, поработили себѣ и завоевателей своихъ Римлянъ, не тѣмъ оружіемъ, которымъ сражались на поляхъ Маратонскихъ и при Саламинѣ; но другимъ, не кровью, а цвѣтами покрытымъ: Художествами, Искуствами, Философіей и, опаснѣйшимъ изъ всѣхъ, Роскошью, которая, по нещастію, всегда въ слѣдъ идетъ за просвѣщеніемъ. Вотще угрюмый ценсоръ Катонъ вопіялъ противу чужеземнаго ученія; вотще *Отцы* Сената изгнали изъ стѣнъ городскихъ мудрецовъ Греціи: Аѳины на конецъ востор-

жествовали; и посольство Карнеадово было тріумфальной входъ Греческаго любомудрія въ новую область свою, Римъ.

Въ то время Философія, какъ наука жизни, (я не говорю здѣсь о умозрительной) раздѣлялася на три главныя отличительныя черты: *Академія*, *Зенонова школа* и *Эпикуреизмъ*. — Сіи три различные потока, отъ одного источника произтекшіе, представляются наблюденію нашему подъ слѣдующими видами: *Довѣріе*, или излишнее на силы свои надѣяніе, въ *Зенонѣ*; противу положное сему *безвѣріе*, въ *Эпикурѣ*; и по среди, между двумя первыми, *недовѣріе* — въ *Академіи*. *Платонъ*, основатель послѣдней, истощилъ богатое, живое воображеніе свое на то, чтобы разсмотрѣть со всѣхъ сторонъ, во всѣхъ извитіяхъ, какъ говорится *за и противъ*, всѣ нравственныя начáла, которыя наставникъ его Сократъ, утверждалъ единственно на опытѣ. Изъ сего послѣдовало сіе философское *сомнѣніе*, которое недопуская слѣпо ввѣряться первымъ впечатлѣніямъ, заставляетъ разби-

рать въ тонкость предложенія, и основываетъ убѣжденія на бо́льшемъ правдоподобіи. По сему можно назвать Платона отцемъ того благоразумнаго и осторожнаго *скептицизма*, который по разнымъ измѣненіямъ, преходя чрезъ среднюю и новую Академію, во дни наши произвелъ одного изъ величайшихъ умовъ, честь вѣка своего — Канта. Зенонъ, одаренный сильною и благородною душею, слѣпо вѣровалъ въ совершенство человѣческаго естества, и поставилъ добродѣтель выше возможности. Возобновитель Антисѳенова *космополитизма*, онъ заключилъ совершенство, добродѣтель или верховное блаженство, что въ языкѣ его суть синонимы, въ отверженіи самого себя, для исполненія того, что служитъ къ благу отечества, или вообще рода человѣческаго. На конецъ Эпикуръ, возстановитель Аристиппова *эгоизма*, не вѣря тѣмъ утѣшительнымъ началамъ, которыя сближаютъ человѣка съ небомъ, и относя все къ себѣ, а не себя ко всему, какъ Зенонъ, произвелъ тотъ опасный догматъ, который

поставляетъ верховное блаженство единственно въ наслажденіяхъ чувственности.

Таковы были сѣмена Философіи въ Греціи, и таковы они были пересажены на землю Италійскую, во время Карнеада: но сія, тогда еще мало обработанная земля, долго не производила плодовъ; и доколѣ Антіохъ и Митридатъ угрожали безопасности Имперій, доколѣ продолжалась буря междоусобія и не рѣшился еще вопросъ, двумъ или одному достанется въ добычу Республика; Философія, на подобіе изящныхъ искуствъ, занимала изключая не многихъ, одни только праздные умы. Въ обыкновенномъ состояніи общества, когда все идетъ извѣстнымъ порядкомъ, сходнымъ съ понятіями принятыми отъ воспитанія и привычекъ, большая часть людей, увлеченная выгодами жизни, или забавами ея, мало заботится о томъ, чтобы *постигь начала вещей*; наслаждаясь *дѣйствіями* она не помышляетъ о *причинахъ*. На противъ того, когда узелъ связующій общество разторгается и общее нещастіе угрожаетъ

всѣмъ состояніямъ людей, тогда мыслящій человѣкъ, лишенный съ безопасностію и выгодъ жизни, и пораженный ужасомъ зла, все вокругъ объемлющаго, выходитъ, такъ сказать, изъ круга обыкновенныхъ понятій и внѣ оныхъ ищетъ себѣ утѣшенія. Въ подобныхъ сему случаяхъ, мы прибѣгаемъ къ вѣрѣ Святой, и находимъ въ ней спасительный оплотъ противу бурь житейскихъ; Древніе, не имѣвъ того надежнаго пристанища, которое намъ даетъ Откровеніе, искали подкрѣпленія, утѣшенія, надеждъ въ ученіи Философовъ; каждый, по направленію ума или склонности сердца своего, избирая путеводителемъ того изъ мудрецовъ, который наиболѣе ему нравился. Отъ сего мы видимъ, что въ одно время, при тѣхъже обстоятельствахъ, одушевленные однимъ и тѣмъже духомъ, Катонъ и Брутъ слѣдовали догматамъ Стои; Кассій, ученію Эпикура; а Цицеронъ, въ принужденномъ уединеніи своемъ въ Тускуланѣ, предпочиталъ всякому просвѣщенію *заблуждаться вмѣстѣ съ Платономъ.*

Изъ краткаго сего трехъ системъ обозрѣнія, можно уже догадаться, къ которой изъ нихъ должно было клониться главное умовъ направлѣніе, во время распрей между Антоніемъ и младымъ Октавіаномъ. Платонизмъ не могъ имѣть многихъ послѣдователей: онъ требовалъ болѣе утонченія въ понятіяхъ, болѣе ученія нежели было тогда въ Римѣ; — Зеноновы пра́вила сдѣлались уже съ лишкомъ строги для изнѣженныхъ роскошью потомковъ тѣхъ Римлянъ, которые были Стоиками по чувству, и не подозрѣвая, что есть въ Аѳинахъ какіе-то *Врата*, подъ коими преподаются пра́вила, какъ должно быть добродѣтельну; — но Эпикуръ, угождая чувственности, и освобождая умы отъ спасительнаго страха мстителей боговъ, долженъ былъ найти, и въ самомъ дѣлѣ нашелъ наиболѣе послѣдователей въ такомъ обществѣ, гдѣ хладный эгоизмъ, задушивъ всѣ гражданскія доблести, разрушилъ наконецъ составъ Республики пять сотъ лѣтъ стоявшей, и пріуготовилъ ужасный вѣкъ Калигулы, Нерона и Домиціана.

Въ послѣднюю борьбу, между свободою и рабствомъ, Горацій служилъ въ полкахъ Брута и Кассія. Въ угодность ли первому, или, что вѣроятнѣе, повинуясь собственнымъ побужденіямъ сердца своего, молодый Трибунъ слѣдовалъ тогда ученію Зенона; въ чемъ, какъ мнѣ кажется, онъ и самъ признается въ первомъ посланіи своемъ къ Меценату. 1) Когда же споръ на всегда рѣшился въ пользу деспотизма и *безстрашные пали и обагрили кровью своею поля Филиппійскія*, 2) тогда Горацій, случаемъ спасенный и случаемъже пристроенный къ жизни безпечной и спокойной, уразумѣлъ, что въ состояніи, въ которомъ общіе нравы тогда находились, естьли бы воскресли Брутъ, Катонъ и имъ подобные, то и ихъ покушенія были бы тщетны возвратить свободу недостойнымъ ея Римлянамъ; которымъ вмѣсто всѣхъ граж-

1) Nunc agilis fio, et mersor civilibus undis,
Virtutis verae custos, rigidusque Satelles.
Epist. Lib. 1. E. 1. Vers. 16.

2) Cum fracta virtus et minaces
Turpe solum tetigere mento.
Carm. Lib. II. Od. VII

данскихъ доблестей, оставалась единственная рабства добродѣтель — слѣпое повиновеніе. Въ такомъ отчаянномъ положеніи вещей, онъ составилъ себѣ можно сказать собственную свою систему нравоученія, почерпнутую изъ всѣхъ Моралистовъ, наипаче же изъ преданій о Сократѣ, и приложенную къ обстоятельствамъ, въ такой силѣ, чтобы: *или обладать, а не имъ покорятся* — mihi res, non me rebus subjungere; — и когда уже возможности не было спасти свободы ни гражданской ни политической, то по крайней мѣрѣ свою бы личную избавить отъ насильства страстей и владычества неумѣренныхъ желаній.

Что Горацій въ семъ успѣлъ, мы можемъ въ томъ поручиться; ибо вся жизнь его служитъ тому яснымъ свидѣтельствомъ: но не мѣнѣе того *политическая Апостасія* его подала легкой поводъ завистникамъ его, носящимъ на себѣ личину послѣдователей Зенона, укорять его въ перемѣнѣ правилъ, приписывая оную перемѣну не убѣжденію, а не-

постоянству характера, которое всегда обличаетъ или слабый умъ, или поврежденное сердце. По сей догадкѣ моей можно кажется ясно видѣть, по чему Горацій всегда съ примѣтною досадою говоритъ о послѣдователяхъ Хрисиппа, одного изъ твердѣйшихъ подпоръ Зенонова ученія.

Я вошелъ въ подробности, коими боюсь наскучить; но онѣ мнѣ показались необходимыми для лучшаго уразумѣнія слѣдующей Сатиры, которую, какъ явствуетъ изъ вышесказаннаго, Горацій написалъ въ защиту друга своего Виргилія отъ глупаго кощунства; и себѣ въ оправданіе. Въ ней три главныя предмета: 1-й показать, что мы замѣчаемъ въ ближнемъ самыя легкія погрѣшности тогда, какъ въ себѣ и гнуснѣйшихъ пороковъ не видимъ; 2-й что безъ взаимнаго снизхожденія къ слабостямъ, дружба существовать не можетъ. — До сихъ поръ на щетъ Виргилія — 3-й предметъ, которымъ онъ себя имѣлъ въ виду: что мы съ большою осторожностью должны наблюдать, чтобы въ обвиненіи ближняго

слѣдовать уставам разсудка, а не пристрастіямъ. По поводу сего послѣдняго, онъ разбираетъ Парадоксы Стоиковъ: о *равенствѣ пороковъ*, о *совершенствѣ Мудреца*, и до конца Сатиры преслѣдуетъ ихъ бичемъ самой острой и колкой насмѣшки.

Еще остается мнѣ сказать нѣсколько словъ о *Музыкантѣ Тигелліѣ*, описаніемъ коего начинается Сатира. Пѣвецъ сей былъ родомъ Сардинецъ; въ милости у Цесаря, у Клеопатры и на конецъ у Августа. Человѣкъ низкаго происхожденія; изъ земли, коей жители были въ презрѣніи у Римлянъ, [1]) онъ втерся въ общество сперва къ Цесарю, а потомъ къ Октавіану, сколько по художеству своему, столько и по искуству льстить порокамъ и угождать страстямъ. Люди такого разбора не рѣдко бываютъ терпимы у Вельможъ, которые ими забавляются, хотя въ душѣ ихъ и презираютъ. Какъ ни трудно съ

---

1) Въ пословицу вошло говорить о нихъ: Sardi venales, alius alio nequior.

перваго взгляда повѣрить, чтобы можно было согласить *забаву* и *презрѣніе*, но не менѣе того оно такъ водится на свѣтѣ; и случается, что Августы, вмѣстѣ съ Виргиліями и Гораціями, принимають и Тигелліевъ; да еще того удивительнѣе, иногда съ сими послѣдними забавляются на щетъ первыхъ. При таковыхъ обстоятельствахъ и то должно вмѣнять въ благополучіе, когда шуты, только что забавляютъ, а не вредятъ: по видимому оно такъ было при Августѣ. Но кто бы повѣрилъ, что во дни еще Республики, Тигеллій могъ быть вреденъ, и кому? — Цицерону! По нещастію оно такъ: мы видимъ изъ писма къ Аттику, что Цицеронъ упрашиваетъ друга своего употребить всѣ мѣры для примиренія его съ Тигелліемъ, *въ чемъ имѣетъ крайнюю нужду*: Tigellium totum mihi et quidem quam primum nam pendeo animi. — И такъ бывшій Консулъ, *Спаситель Рима*, *Отецъ Отечества*, боится! Кого? — Пѣвца Тигеллія! Можно съ нимъже вмѣстѣ воскликнуть: *О времена! О нравы!*

Замѣтимъ еще слѣдующее — 1-е веселое и шутливое вступленіе Сатиры: Горацій пишетъ противу злыхъ пересудчиковъ, и начинаетъ съ того, что самъ пересуживаетъ, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы его спросили: А ты самъ каковъ? — Изъ чего такъ непринужденно и ловко послѣдуетъ прекраснѣйшій разговоръ о злословіи, составляющій первую часть Сатиры. 2-е Пересужденіе именно Тигеллія съ тѣмъ, какъ мнѣ кажется, чтобы зацѣпить непримѣтно и самаго Августа. Повѣлитель Рима, унижается до того, чтобы *просить*, тогда какъ принудить можетъ, и когоже? — Сардинца Тигеллія! Умоляетъ его *изъ дружбы къ отцу и къ себѣ*; и не успѣваетъ! Прекрасный урокъ: и такой, что разсердится не льзя было, ибо весь смѣхъ кажется на щетъ упрямаго музыканта,

---

Сатира 3.

За всякимъ пѣвцомъ есть тотъ порокъ, что естьли, хотя между пріятелями, попросить его чтобы запѣлъ.... Ни изъ чего на свѣтѣ! Когдаже самому вздумается — такъ и унять не льзя. — Таковъ былъ *Сардинецъ Тигеллій*. Августу, который бы и принудить могъ естьлибы захотѣлъ, никогда не удавалось упросить его, ни изъ дружбы къ себѣ, ни ради памяти Цесаря: а какъ бывало самаго охота возметъ, то отъ яицъ до яблокъ,[1] *Іо Бахусъ*: безъ умолка повторяетъ, согласуя голосъ свой то съ верхнею, то съ нижнею струною Тетрахорда. Въ немъ все было непостоянно: бѣжитъ иногда скоро, какъ будто бы отъ непріятеля; иногда же выступаетъ такъ важно, какъ *Канифоры* несущія дары Юнонѣ. То рабовъ двѣсти содержитъ; то довольствуется десяткомъ. Иногда такъ высокопарно глаголетъ, что только *Цари да*

---

1 Отъ начала ужина до конца. Ужинъ древнихъ Римлянъ начинался съ яицъ въ смятку, и окончивался плодами.

Тетрархи и на языкѣ у него; потомъ вдругъ смиренничаетъ: *былъ бы у меня столъ треножникъ, Раковина съ чистою солью, и одежда хоть грубая, лишь бы только отъ стужи защищала, и я доволенъ.* — Дай же этому умѣренному, малымъ довольному человѣку, миліонъ и чрезъ пять дней ничего не останется въ кошелькѣ. Ночь онъ всю на пролетъ до свѣта просидитъ; а день цѣлой прохрапитъ; однимъ словомъ сказать: такого непостояннаго человѣка не бывало никогда.

Теперь же спроси меня кто ни будь: *а самъ ты каковъ? Развѣ безгрѣшенъ?* — За мною другіе пороки, можетъ быть и не меншіе. Я признаюсь; не такъ какъ Меній. Тому случилось однажды заочно злословить Невія; нѣкто перебивъ рѣчь его сказалъ: остановись, Дружокъ! развѣ ты самъ себя не знаешь, или думаешь, какъ не извѣстный, насъ словами заметать? — *Я, дѣло другое,* отвѣчалъ Меній; *я самъ себѣ прощаю....* Въ томъ-то и есть глупое самолюбіе, постыдное и посмѣянія достойное. Какъ! на свои пороки ты

близорукъ, а на чужіе такъ зорокъ какъ Орелъ, или какъ Эпидаврскій змій? Но долгъ красенъ платежемъ; присматривать станутъ и за тобою.

Разбирая недостатки въ знакомыхъ своихъ ты о такомъ-то говоришь: 1) *Онъ съ лишкомъ горячъ; не умѣетъ примаравливатся къ обхожденію нашихъ остряковъ; да къ томуже совсѣмъ не по вкусу нынѣшняго свѣта; волоса выстрижены по мужицки; платье на немъ обвисло; широкая обувь болтается на ногѣ* — Согласенъ; но онъ такъ честенъ, что не можетъ быть человѣка его честнѣе; но онъ тебѣ лучшій другъ; и подъ грубою наружностью его скрывается разумъ отличный; то не лучше ли бы тебѣ его оставя, въ самомъ себѣ по короче разсмотрѣть нѣтъ ли какихъ пороковъ, которые въ тебѣ или природою насаждены, или отъ дурной привычки возрасли. Лучшая земля, когда запустишь ее, покроется

---

1) На щетъ Виргилія.

Буріаномъ, который на то только годенъ, чтобы жечь его.

Посмотримъ на влюбленныхъ; они до того бываютъ ослѣплены страстію къ любовницамъ своимъ, что не только не видятъ въ нихъ гнуснѣйшихъ пороковъ, но ими-то иногда и плѣняются. Таковъ былъ Балбинъ, которому все нравилось въ Агнѣ, а особливо Полипъ ея. — Я бы желалъ, чтобы мы и въ дружбѣ подобно сему обманывались, и чтобы таковому заблужденію присвоено было названіе добродѣтель означающее. Какъ родители къ дѣтямъ, такъ мы къ друзьямъ нашимъ должны быть снизходительны, и недостатками ихъ не гнушаться. — Косоглазаго, отецъ назоветъ: *зайчикомъ* — Карлу, каковъ былъ выродокъ Сизифъ — *цыпленочкомъ*; кривоножкѣ, толстопятому, каждому нѣжная родительская любовь придумаетъ названіе приличное, но не оскорбительное. Такъ бы и намъ съ друзьями поступать должно: скупаго бы, называть: умѣреннымъ; — враля, хвастуна: забавнымъ въ обществѣ; — грубаго, на рѣчи дерзкаго;

человѣкомъ прямымъ и твердымъ; — вспыльчиваго, отважнымъ: въ этомъ-то по моему состояло бы все искусство наживать друзей и наживъ ихъ сохранять навсегда. Мы же на противъ того и самую добродѣтель въ порокъ извращаемъ; стараемся и чистой сосудъ осквернить: — честно ли кто съ нами поступаетъ? — онъ трусъ — кто разборчивъ и не скоръ, тотъ глупъ — убѣгаетъ ли кто отъ крамолъ, и невредимъ живетъ посреди свѣта, гдѣ свирѣпствуютъ зависть и клевета: вмѣсто того чтобы назвать его человѣкомъ осторожнымъ и умнымъ, онъ слыветъ у насъ коварнымъ притворщикомъ. О простякѣ такомъ, какъ я на примѣръ, который охотно къ тебѣ, Меценатъ, являюсь; часто не во время вхожу и пустяками моими мѣшаю тѣбѣ читать, или размышлять, довольно бы сказать: *докучливъ!* Нѣтъ, мало; — говорятъ: *здраваго смысла лишенъ*. Увы, какъ не одумавшись произносимъ мы противу самихъ себя жестокій приговоръ! Бѣзгрѣшнымъ никто не родится на свѣтѣ; и превосходство наше лишь въ томъ только, чтобы

меньшими пороками удручаться. И такъ кто захочетъ быть мнѣ прямымъ другомъ, тотъ безъ пристрастія разбери во мнѣ, что есть доброе и что худое; и естьли перваго больше, то по немъ и полюби меня; да и съ собою позволь на такихъже условіяхъ поступить и на тѣхъже вѣсахъ дай и себя взвѣсить. Хочешь ли чтобы не гнушались желвакомъ твоимъ? Не примѣчай чужихъ бородавокъ: по всей справедливости кто себѣ проситъ прощенія, тому должно и ближняго прощать.

Въ прочемъ, когда уже мы не въ силахъ вовся истребить въ сердцахъ нашихъ гнѣвъ и другіе пороки въ безумцахъ вкоренившіеся, то по крайней мѣрѣ, для чего разсудку не употреблять вѣсовъ своихъ и мѣры на то, чтобъ осуждать на казнь преступленію соразмѣрную? — Естьлибъ кто велѣлъ распять раба своего за то только, что снимая блюдо онъ полакомился остаткомъ рыбы въ тепломъ еще ея расолѣ; благоразумные люди не сочтутъ ли его сумашедшимъ и пуще самаго Лабіена? — Пріятель твой провинился и

шакъ легко, что не будучи жестокимъ и суровымъ, не льзя не проститъ ему: ты же возненавидѣлъ его и убѣгаешь какъ отъ Рузона должникъ, который, бѣдняга! естьли къ первому нещастному числу мѣсяца нигдѣ и никакъ не досталъ денегъ, ни на капиталъ ни на проценты, то осужденъ, какъ плѣнникъ вытянувъ шею, слушать чтеніе нелѣпыхъ его бытописаній. — Какъ! Лучшій пріятель мой остынетъ мнѣ за то, что случится ему разъ лишнее выпить; или не осторожно рукою столкнуть Эвандрову чашу; или же схватить съ блюда цыпленка на часть мою назначеннаго: чтожебы мнѣ осталось дѣлать естьлибъ онъ укралъ, или открылъ ввѣренную ему тайну, или же отрекся отъ поручительства своего? —

Когда дѣло разбирать по сущей справедливости, то можно привести въ затрудненіе даже и тѣхъ, коимъ угодно почитать *всѣ безъ разбора преступленія равными между собою*. Противу ихъ здравый смыслъ, добрые нравы, и даже сама *польза*, отъ которой и

судъ, да чуть ли и правà всѣ не получили ли свое начало. Въ началѣ бытія, когда животныя только что выползли изъ земли, родъ человѣческій, грубое и нѣмое стадо, сражался за норы и жолуди, кулаками, потóмъ палицами, и на конецъ уже, по долгимъ опытамъ, оружіемъ до тѣхъ поръ, какъ узнавъ употребленіе языка, составилося *слово*, вещи получили наименованія и люди стали другъ друга понимать. Тогда воздержалися отъ безпрестанныхъ дракъ, начали ограждать селенія и предписывать законы, чтобы не было въ обществѣ ни вора, ни разбойника, ни нарушителя святости брака. Конечно и дó Элены бывали женщины причиною кровопролитныхъ битвъ; разница только въ томъ, что безвѣстны пали тѣ, которые, подобно дикимъ звѣрямъ, похищали женъ безъ разбора и низлагались сильнѣйшими, какъ быки въ стадѣ коровъ.

Что страхъ насильства произвелъ законы, въ томъ долженъ признаться всякъ, кто раскроетъ лѣтописи міра. Природа не учитъ

насъ различать справедливое отъ несправедливаго, такъ какъ учитъ она полезное намъ отъ вреднаго, или пріятное отъ противнаго; да и умствованіе не убѣждаетъ въ томъ, что въ равной степени преступилъ тотъ, который въ чужомъ огородѣ вытоптаьъ молодую капусту, и тотъ, который ночью похитилъ освященные сосуды. Къ сему служатъ *законы:* гражданскія условія, чрезъ которыя соразмѣряется казнь преступленію, и не допущается до того, чтобы заслуживающій плеть высѣченъ былъ кнутомъ.

Я въ протчемъ не опасаюсь, чтобы ты наказалъ розгами того, который и болѣе заслужилъ; какъ, по словамъ твоимъ, все одно, что воръ, что разбойникъ, что малый грѣхъ, что большій; то я боюсь угрозъ твоихъ, чтобъ здѣлавшись Царемъ, ты не вздумалъ бы казнить за все безъ разбора однимъ мечемъ..... Но что я говорю *здѣлавшись Царемъ!* — Естьли *единственно мудрый и богатъ, и искусный онъ сапожникъ и красавецъ и Царь* — чего же тебѣ болѣе?.....

Не понялъ ты словъ отца нашего Хрисилла (говоритъ онъ) *мудрый ни башмаковъ себѣ не шьетъ, ни туфлей; однакоже онъ саложникъ....* Это по чему? — *Когда музыкантъ Гермогенъ молчитъ, онъ за то не престаетъ быть искуснымъ музыкантомъ и пѣвцемъ: и хитрый Алфенъ, хотя покинулъ бритву и лавку затворилъ, но все таки брадобрѣй: такъ и мудрецъ единственно есть искуснѣйшій художникъ всякаго ремесла, (хотя и не упражняется въ немъ) слѣдственно и Царь...* Чтобъ тебѣ всю бороду выщипали, Владыко надъ владыками! Лишь ты появишься на улицу, и наглые мальчишки привяжутся къ тебѣ толпою; а ты лая и обороняясь палкою, чуть не треснишь съ досады!... Но чтобъ мнѣ не задержать тебя! Въ провожаніи единственнаго царедворца твоего безмозглаго Криспина шествуй!... въ торговую баню; мойся за квадрантъ; [1]) а я, глупой человѣкъ, живя съ милыми друзьями, невзы-

---

1) Квадрантъ — самая мѣньшая Римская монета, такъ какъ бы у насъ полушка.

скательными, за то что и самъ къ нимъ снизходителенъ, въ простой долѣ моей, щастливѣе тебя Царя, вѣкъ мой проживу.

Муравьевъ-Апостолъ.

ПИСМА
КЪ ГРАФИНѢ Н.

Предлагаемыя при семъ писма къ чтенію въ Бесѣдѣ Любителей Рускаго слова, писаны давно молодымъ человѣкомъ.

Сіи четыре писма суть самыя первыя изъ цѣлой переписки. — Буде въ нихъ непримѣтна та общая связь, которая всю переписку составляетъ, такой недостатокъ не столько мнѣ прискорбенъ, сколько бы прискорбно мнѣ было отяготить пространнѣйшимъ чтеніемъ вниманіе Бесѣды.

Естьли бездѣлица сія привлечетъ на себя минутное вниманіе тѣхъ любезныхъ душъ, для которыхъ ни какое сердечное слово непропадаетъ — Сочинитель награжденъ. Онъ почувствуетъ прелесть благодарности; а съ этимъ чувствомъ не даромъ будетъ называться человѣкомъ.

ПИСМА
КЪ ГРАФИНѢ Н Н;
живущій въ Малороссіи.

Въ Октябрѣ.

ПИСМО I.

Вы приказали мнѣ, Графиня: — я повинуюсь. — Съ вашими повелѣніями, мое удовольствіе неразлучно.

Не могу однако не пожаловаться вамъ на судьбу мою. Какъже ей такъ явно насмѣхаться надо мною? — Всѣ мы знаемъ, что она заставляетъ иногда людей дурачиться въ разныхъ видахъ, да по крайней мѣрѣ всегда подъ какою нибудь пристойною наружностью. — Но какъ ей пришло въ голову во первыхъ разлучить человѣка съ его искренними и послать его въ такой край, гдѣ живутъ одни бѣлые медвѣди, тюлени, и моржи; гдѣ травка не смѣетъ изъ земли показаться; а потóмъ приказать, и чрезъ когоже? — Чрезъ васъ, — приказать мнѣ искать по Ледовитому краю, гдѣ въ цѣлые полгода свѣту не увидишь, чегоже искать? — Парнасса! — Мало

этаго; научить васъ заставить меня писать и прозой и стихами, и требовать, чтобы въ превосходномъ твореніи моемъ отличнымъ молодцомъ, первымъ героемъ, былъ ктоже? — О Судьба жестокая! Трескучій морозъ! —

Сѣдой, косматый
И зубатый,
Который голосомъ отъ старости скрыпитъ
И на землѣ, какъ бѣсъ крылатый,
Гоняется за всѣми и щиплетъ и мертвитъ;
А самъ ни день, ни ночь не спитъ. —
То будучи укрытъ блестящей епанчею
Онъ ходитъ по вершинамъ горъ;
То серебристою трухою
Онъ мечется въ глаза, какъ соръ.

Судите сами, Графиня, въ какомъ я положеніи. — Я съ вами разстался! — Мнѣ иногда сгруснется; иногда я со всѣмъ не тамъ, гдѣ я ѣду. До того ли мнѣ, чтобы прибирать слова и принаравливать ихъ какъ одну жемчужину къ другой? — Пусть бы заставили вы меня въ самомъ дѣлѣ прибирать и низать жемчугъ вашъ, — я бы сидѣлъ сиднемъ и зналъ свое дѣло; я бы зналъ по крайней мѣрѣ, что моя нитка жемчужная, когда нибудь украситъ побѣды ваши, — и для чего не такъ? — Но тутъ, я только что смѣ-

шонъ буду! — А естьли въ добромъ сердцѣ насмѣшки нѣтъ, естьли сострадание составляетъ несомнѣнно его пищу; то каково же вамъ видѣть сумазброднаго, который не будучи живописцемъ принужденъ въ картинѣ представить Сѣверъ?

Всякое слово любезнаго человѣка, съ чувствомъ сказанное, переливается въ сердце другаго. Вы часто мнѣ проговаривали, что вообще впечатленіи сильно на меня дѣйствуютъ. — Казался я вамъ такимъ, потому можетъ статься, что я съ жаромъ чувствую и говорю. — Я радовался, что вы во мнѣ нашли какое ни будь достоинство; а теперь выже мнѣ приказали заняться такъ, чтобъ все во мнѣ замерло отъ холода чтобы и въ письмахъ моихъ была вѣчная зима; — словомъ: вы желаете, чтобъ я оледенѣлъ! — Будьтеже вы ко мнѣ милостивы, и судите сами:

Какъ за дѣло мнѣ приняться? —
Можноль Солнцу покланяться,
И бѣжать его лучей? —
Это вовся не понятно!
Не блаженъ ли тотъ стократно,
Кто живетъ средь красныхъ дней,
И конецъ пути къ покою

Довершаетъ безъ заботъ?
Воля ваша! — Щастливъ тотъ,
Кто вечернею порою,
Сидя у безмолвныхъ водъ,
Видитъ, какъ небесный сводъ,
За угрюмою горою,
Станетъ розовымъ шатромъ!
Какъ стада его грядою,
Полны сытнымъ молокомъ,
Къ дому идутъ съ пастухомъ;
И на зелени златистой,
Гдѣ ручей катится чистой, —
Пролагаютъ длинну тѣнь!

Вотъ какому щастiю я завидую, Сударыня. — Сдѣлайте милость, избавте меня отъ описанiя зимы. — Я ей врагъ не примиримый, — и до такой степени, что какъ бѣшеный человѣкъ отгращаясь отъ воды, бѣжитъ и отъ сосудовъ, гдѣ вода, быть можетъ; такъ, я не только зимы, но не люблю даже холоднаго свойства. — По моему, человѣкъ съ холоднымъ сердцемъ, чѣмъ умнѣе, тѣмъ опаснѣе.

Пришлите мнѣ лучше изъ Малороссiи въ книжкѣ цвѣтовъ сушеныхъ. Глядя на нихъ, буду вспоминать, что я живалъ съ ними. — Только сдѣлайте мнѣ одолженiе, чтобы каждый цвѣтокъ

былъ непремѣнно на особой страничкѣ, — такимъ образомъ весь видъ цвѣтка сохранится, кромѣ живости, которую пусть дополнитъ воображеніе.

Вы меня понимаете. — Инаго жметъ морозъ, а онъ сдѣлавши себѣ пріютъ подъ шубой, — съ большимъ наслажденіемъ думаетъ о такой сторонѣ, гдѣ солнцѣ Царь, а морозъ въ вѣчной ссылкѣ! —

Простите, Графиня! — Помните того, который васъ искренно почитаетъ. Часъ въ разлукѣ почитается годомъ. — Несносная мысль! По крайней мѣрѣ не забудьте,

Что кто на Сѣверъ полетѣлъ,
Тотъ васъ любить и чтить умѣлъ. —
Что вы когда съ зарею
Въ летучемъ платьицѣ, какъ снѣгъ,
Въ кружкѣ віющихся утѣхъ,
Съ живою въ кристалѣ водою
Идете въ гости къ цвѣтникамъ, —
И тамъ,
Какъ лѣтній день прелестной,
Какъ Ангелъ вѣчныя любви,
Дарите жизнь и щастье вы; —
Я въ кибитчонкѣ низкой, тѣсной,
На тощихъ клячахъ почтовыхъ,
Въ грязи Октябрьской утопаю

И тутъ, — то жизнь я проклинаю,
То въ видѣ Солнца васъ встрѣчаю
Подъ тучами дождей косыхъ!

ПИСМО 2.

Вотъ другой случай писать съ дороги къ вамъ, любезная Графиня! — Могу ли я пропустить его? — Чѣмъ далѣе я отъ васъ, тѣмъ я къ вамъ ближе. — Мнѣ кажется, что я съ вами безпрестанно.

Случилось ли вамъ примѣтить, что какъ ни поставите цвѣтокъ на окошкѣ, онъ все тянется къ солнцу?

Я въѣзжаю кажется въ царство Смерти. Прости, мой зеленый лѣсъ! — Простите, цвѣты мои любимые! — Простите, птички! — Простите, добрая Графиня! — Я въ другой планетѣ! —

Здѣсь какой-то рѣзкій холодъ
Самый воздухъ зачумилъ:
По полямъ летаетъ голодъ;
Видъ природы всей унылъ. —

Мгла, какъ бѣлый пухъ гусиный,
Сором̆ъ сыплется съ небесъ;
Прячутся въ него долины;
До нага ограбленъ лѣсъ! —
И сребристыми хохлами
Покрывая дряхлый видъ,
Въ страхѣ полумертвъ стоитъ!
Рѣки съ рѣзвыми ручьями,
Переловлены сѣтями
По темницамъ всѣ сидятъ. —
Солнышко смѣнило взглядъ —
Въ блѣдности своей ужасной
Кроется оно всечасно
И отъ всѣхъ уйти спѣшитъ....
Вглянешь — темно, — солнце спитъ!....
Звѣри
Прячутся въ пещеры,
Птичекъ не слыхать въ поляхъ;
Пусто даже въ деревняхъ!
Лишь примѣтно, что въ домахъ
Плотно затворяютъ двери. —
Тамъ при огненныхъ лучахъ
Золотистыя лучины,
Между разновидныхъ сновъ,
Крылышки сложа орлины,
По ночамъ прядетъ любовь —
Щитъ отъ стужи и покровъ!

Послѣ такой выходки, вы конечно уже заключили, Сударыня, что я брежу. — А я вамъ кляну-

нусь, что все это на яву видѣлъ! — точно на яву, — кромѣ любви, которую вижу и тамъ, гдѣ ее нѣтъ; — да это опять отъ того, что она во мнѣ.

Вѣрите, добрая Графиня, что по внутренному расположенію человѣка наружныя предмѣты принимаютъ и видъ и цвѣтъ; — И вотъ отъ чего рѣдко, весма рѣдко — могутъ два человѣка видѣть предмѣты одинакимъ образомъ.

Скороли мои сушеные цвѣтки приѣдутъ? Мнѣ все кажется, что съ тѣхъ поръ, какъ я изъ Малороссіи выѣхалъ, лучшихъ гостей мнѣ не видать! — Взглянувъ на нихъ, нѣкоторые представятся въ видѣ искреннихъ людей, которыхъ я не вижу. — Странное чувство! — Истинныя черты, свойства людей любимыхъ, — дýши ихъ невидимыя, живутъ въ сердцѣ; а человѣкъ непрестанно ищетъ видѣть хотя одно ихъ подобіе! — Какое чудесное твореніе человѣкъ!

Для себя онъ вѣкъ живетъ,
А не можетъ жить собою. —
Надобно ему порою
Раздѣлить и солнца свѣтъ!

Смѣю ли надѣяться, что въ Архангельскѣ получу я отъ васъ вѣсточку?

Тогда на крыльяхъ радости возвьюсь до десятаго неба,— отъ туда стрѣлою ударюсь въ здѣшнія вѣчные льды, и по неволѣ произведу хотя искорку огня, который мнѣ что далѣе къ Сѣверу, тѣмъ дороже становится. —

Какъ муха, солнцемъ освѣщенна,
Жизнь изъ лучей небесныхъ пьетъ;
Бывъ прежде смертью покровенна,
Вдругъ оживаетъ и встаетъ;
Потомъ, разправивъ по немножку
Блестящи крылышки въ пыли,
Летитъ — и славитъ теплы дни.
Похожій на воскресшу мошку,
Такъ я на радости моей,
Изъ льдистыхъ выбившись сѣтей, —
Взовьюсь въ восторгѣ надъ снѣгами
И буду пѣть подъ небесами —
Власть вашу средъ морозныхъ дней.

ПИСМО 3.

Вотъ двѣ недѣли, какъ я здѣсь. — Писемъ отъ васъ нѣтъ. — Я безпокоенъ безпрестанно. — Мнѣ кажется, я лишній въ мірѣ. — Часто я думаю, что вы не здоровы, — и тогда воображеніе исполинскою силою разрываетъ жизнь мою. — Мое здоровье здѣсь тоже для меня, что свѣтъ для слѣпаго! — Коли бы я могъ отправить здоровье мое къ вамъ!... Простите! — Не ужели человѣкъ въ отсутствіи другаго тоже, что цвѣтокъ безъ солнца? — Полно, руки что-то неходятъ по бумагѣ.

ПИСМО 4.

Почталіонъ! — письмо! — посылка! — ваша надпись! — вы здоровы! — вотъ и цвѣты ваши! О лучшая награда! — Первое благополучіе — довольное сердце. — Пусть теперь бушуютъ метели, пусть трещатъ морозы, — я сталъ каменною горою. — Знаете ли, милая Графиня, что нынѣча я какъ безпашпортный, записанъ въ услугу къ новому господину, которой меня имя-

немъ вашимъ и поитъ, и кормитъ? — Вотъ какъ это случилось:

Лишь тронулъ я ковчегъ богатый
Прелестной для меня мечты,
То есть лишь ящикъ вскрылъ досчатый,
Гдѣ уложили вы цвѣты:
О чудеса! — Въ шипахъ колючихъ,
Подъ сводомъ розъ, лилей цвѣтучихъ
Крылатое дитя лежитъ! —
Онъ спитъ,
И держитъ лукъ одной рукою,
На изголовье онъ другою
Запутался въ златыхъ кудряхъ;
Подъ крыльями таились стрѣлы,
Колчанъ подушкой въ головахъ,
Черезъ плечо очки висѣли
И золотыхъ сѣтей клубокъ;
Вѣнецъ — держава, — скиптръ — у ногъ;
Какъ нѣкій Полубогъ,
Красой неизреченный,
Казался онъ.
Рѣсницы чорны, опущенны,
Отъ свѣта охраняли сонъ.
Въ лицѣ румянецъ разливался;
Улыбка пламенна въ устахъ;
Покровъ на сонномъ извивался
И растерялся въ красотахъ! —
Мечтою удивленный
Я весь оцѣпенѣлъ,

Какъ смертью покровенный
Я побледнѣлъ,
Дохнуть не смѣлъ: —
Глаза остановились;
А руки какъ открылись,
Чтобъ ваши взять цвѣты —
Окостенѣли на пути!

Вотъ, Сударыня, каково человѣку, гдѣ любовь заснетъ! Ахъ, сохрани васъ Богъ! Не давайте никогда засыпать ей; — камнемъ будете. — Послушайте, какъ я былъ наказанъ: — диковинка! — Чего не встрѣтится человѣку въ жизни!

Минуты съ двѣ стоялъ я пнемъ,
Не знаю, что со мною было; —
Но вдругъ — какъ будто бы огнемъ,
Меня согрѣло, освѣтило;
Почувствовалъ я шорохъ крылъ. —
Проснулся мой дитя прелестный,
Вспорхнулъ — и стрѣлы въ горсть словилъ;
На розу всталъ, колчанъ набилъ,
И бросивъ чрезъ плечо запасъ сердецъ чудесный,
Оперся самъ на лукъ. —
Изъ глазъ его огонь небесный
Вливалъ во все и жизнь, и духъ;
Но тутъже вдругъ
Вспылалъ онъ гнѣвомъ,
И какъ пѣтухъ

Передъ напѣвомъ,
Заклонавъ крыльями златыми,
Качаяся на цвѣткѣ, и грозно рекъ:
„Нещастный Человѣкъ!
„И ты рѣчами злыми
„Дерзнулъ на югѣ разглашать,
„Что въ сѣверѣ моя безсильна благодать!
„За это, знаешь ли? — Тыбъ камнемъ долженъ стать,
„И сорокъ лѣтъ во льдѣ лежать.
„Но щастливъ ты, что месть я презираю,
„И въ кротости моей
„Не рву головъ съ людей;
„Что шуткой ими управляю
„И милостью сражаю злыхъ;
„Что левъ бѣжитъ за мной агненкомъ,
„Мудрецъ становится робенкомъ,
„И ледъ горитъ въ лучахъ цвѣтныхъ! —
„Ты слѣпъ безъ сихъ очковъ отмѣнныхъ:
„Возми, и ихъ надѣнь. —
„Испей съ концовъ сихъ стрѣлъ каленыхъ:
„Въ восторгѣ сладостномъ ты будешь ночь и день. —
„Невидимкой неразлучно
„Буду я вездѣ съ тобой;
„А зимѣ угрюмой, скучной,
„Прикажу быть красотой;
„Мрачныя ея столицы
„Взглядомъ обращу въ дворцы,
„Гдѣ алмазныя свѣтлицы
„Смертнымъ будутъ образцы. —
„Серебромъ я ихъ покрою

„И обвѣшу жемчугомъ;
„Цвѣтники внутри устрою,
„Разны игры колесомъ. —
„Рѣзвая зимы услуга:
„Снѣгъ — морозы — ночи — вьюга,
„Посѣдѣвшіе въ лѣтахъ,
„Помладѣютъ въ красотахъ!....„
Сказалъ — изчезъ — разсыпался какъ прахъ!
Открытый ящичекъ съ цвѣтами
Остался подъ руками;
А я въ очкахъ
Глазами хлопалъ какъ дуракъ!

Вотъ какія чудеса цвѣты ваши надѣлали, милая Графиня! Какъ мнѣ не благодарить васъ! — Какъ бы то ни было, теперь покорнѣйше васъ прошу удостоивать меня порученіями вашими. — Я, какъ вы сами видите, вступилъ въ новую службу и баринъ мой, баринъ извѣстный и сильный. Новое возвышеніе, которымъ я величаюсь, вы можетъ быть отнесете къ единому вображенію; но признайтесь, любезная Графиня, что каждый изъ насъ больше, или менше живетъ имъ. — Розница вся въ томъ: иныя дѣти воображенія, возбуждаютъ общія страсти; отъ того многимъ нравятся, и потому вошли въ общую цѣну.

Простите! — Будьте здоровы, и пуще всего веселѣе; но будьте и ко мнѣ снисходительны и великодушны. Вы приказали мнѣ описывать вамъ зиму; а я (о сумазбродный!) занимаю васъ мечтами моими: хватаюсь то за одну мысль, то за другую. Онѣ какъ молнія, то появляются, то исчезаютъ, и я ни которой постоянно слѣдовать не могу; хочу сказать одно, говорю другое.

Что мнѣ дѣлать? Не писать? Но могу ли я не писать вамъ? Я чувствую давно, что я самъ не свой. — Что такое человѣкъ? — Не гнѣвайтесь только. Я впредь постараюсь заслужить мое преступленіе. — Дай вамъ Богъ здоровья!

Ѳ. Львовъ.

*

КЪ МЕЦЕНАТУ.

(подражаніе Горацію.)

Всему назначенъ срокъ, все время поглощаетъ —
Такъ Діемъ, Меценатъ, могущимъ суждено!
Безсмертнаго въ себѣ міръ тлѣнный не вмѣщаетъ;
Начало бытія съ концемъ сопряжено.
Въ Родосѣль славимомъ, въ Ефесѣль, въ Митиленѣ,
Средиль приморскихъ стѣнъ Коринѳа ты живешь,
Повсюду подлежишь погибельной премѣнѣ
И всюду подъ косу губящую течешь;
Ни Ѳивы, Вакховъ градъ, ни Дельфы Аполлона,
Ни Ѳессалійскихъ миръ долинъ,
Не скроютъ отъ руки всевидящаго Крона,
Подъ коей пасть должны и рабъ и властелинъ!...
И тотъ, кто быстрыми несомый въ бѣгъ конями,
Среди ристалища изхитить лавръ спѣшитъ,
Равняющій его съ богами; —
Кто грузомъ кораблей Понтъ черный бременитъ,
Съ Ливійскихъ дань полей богатую сбираетъ; —
И тотъ, кто черни плескъ неистовой срѣтаетъ
И поклоненіе льстецовъ,
Полсвѣта обратя въ сонмъ жалостныхъ рабовъ,

Кто въ мірѣ бичъ людей и ужасъ ихъ средь боя; —
И тотъ, кто уклонясь заботъ,
Подъ сѣнію покоя,
При токѣ Албунейскихъ водъ,
Средь отческихъ долинъ, цвѣтущихъ вѣчнымъ миромъ,
Поетъ, внимаемый зеленыхъ рощъ Сатиромъ,
Иль сонмомъ рѣзвыхъ Нимфъ, сплетенныхъ въ хороводъ;
Должны погибнуть всѣ! — Таковъ законъ природы!
Обьемлетъ, и даетъ рука ея равно
Всѣмъ. Съ тойже быстротой текутъ и дни и годы. —
Въ дѣлахъ для смертнаго отличіе одно! —

М. Милоновъ.

ДРУГУ МОЕМУ;

О СЧАСТІИ.

Свѣти, о Солнышко златое!
Свѣти на мой щастливый домъ,
Чтобъ радость мнѣ казалась вдвое,
Чтобъ не зашелъ свирѣпый громъ: —
Здѣсь щастіе живетъ тишкомъ.

Я много пережилъ на свѣтѣ
И долго гнался за мечтой;
За честолюбіемъ въ полетѣ
Не зналъ я равнаго съ собой.
Мнѣ всѣ казались бѣдняками,
Ползущей тварью — червяками:
Одинъ лишь я былъ человѣкъ. —
Въ переднихъ протекалъ мой вѣкъ;
Я въ поясъ кланялся каретамъ,
Учился ползать по паркетамъ,
Усмѣшки и слова ловить,
Иль такъ сказать, — учился жить.

И на конецъ, ставъ господиномъ,
Между людьми я сталъ павлиномъ
И поступью, и головой;
Но щастья не было со мной!

Наскучило, — и въ путь другой
Пустился вихремъ я крылатымъ:
Казался свѣту пребогатымъ;
Леталъ въ каретѣ щегольской;
Весь штатъ услуги преобширной
Я нарядилъ въ мундиръ сафирной
И залилъ въ золото кругомъ. —
Вошелъ въ долги, бралъ безъ отдачи,
И такъ мнѣ сыпались удачи,
Что домъ казался мой райкомъ.
Въ пирахъ моихъ хрусталь, фарфоры
Сіяли межъ сластей въ цвѣтахъ,
Плодовъ насыпанныя горы,
Росли на зеркальныхъ доскахъ;
Какъ златомъ, тукомъ покровенны
Жаркія: цѣлыя быки,
Фазаны сочны, кулики,
Въ шампанскомъ стерлядей садки —
Обогащали пиръ волшебной.
Огнисто разныхъ странъ вино,
Ліяся изъ стекла въ стекло,
Всю тварь ядущу упояло,

Кидаясь искрами въ уста.
Веселье — щастье представляло!
Вкругъ насъ порхали сонъ — мечта.
Хоръ пѣсенъ радостныхъ, согласныхъ,
Бесѣдѣ нову жизнь вдыхалъ;
Изъ черныхъ глазъ цыганокъ страстныхъ
Восторгъ, какъ молнія сверкалъ:
То въ плавныхъ, нѣжныхъ оборотахъ
Томилась пламенна чета;
То въ бойкихъ съ свистами налетахъ
Любви сдавалась красота. —
Тишкомъ лишь Время тутъ стояло
И пригорюнившись считало,
Какъ крались изъ дверей лѣта.

Такъ день и ночь я жилъ съ полгода —
Но болѣе такъ жить не могъ:
Лицемъ похожъ сталъ на урода,
Обрюзгъ, все промоталъ, изсохъ. —
Пропали всѣ любимы гости,
И мой великолѣпный дворъ
Разсыпался — исчезъ какъ соръ! —
Остались отъ пировъ лишь кости;
Вкругъ дóма — сборъ собакъ, воронъ;
А немощи, какъ змѣи люты,
Терзали духъ мечтой надутый
И отвращали сладкій сонъ!

Гдѣжъ щастье? Гдѣ оно летаетъ?
Не въ сердцѣ ли гнѣздо свиваетъ
Сіе чудесно существо?
Не тамъ ли я видалъ ево,
Гдѣ человѣкъ обогащенный
Здоровыхъ кучею дѣтей,
Трудами красить вѣкъ почтенный,
И не касается путей,
На коихъ призраки прелестны
Въ темницу къ роскоши ведутъ?
Нѣтъ, нѣтъ! Я видѣлъ слезы тутъ;
Я зрѣлъ, какъ связи сердца лестны
Отъ сердца отрывались вдругъ;
Я зрѣлъ, какъ смертоносный духъ
Дѣтей отъ матери любезной
На вѣки разсѣкалъ ко́сой; —
Я видѣлъ какъ они толпой
Гнались за гробомъ въ ровъ тотъ тѣсный,
Гдѣ стало щастье ихъ землей.

Не тотъ блаженъ, кто въ жизни тлѣнной
Сплѣсивъ красивымъ рядомъ дней. —
Цвѣтокъ весною оживленный
Зимой исчезнетъ средь полей.
Но тотъ лишь щастливъ, кто въ ненастье,
Разсыпанныхъ сиротъ собралъ;
Тотъ щастливъ, кто свое имъ щастье

И самъ себя въ услугу далъ.
Гонимый грозною судьбою
Не будетъ грусти онъ рабомъ;
Придетъ минута — и стрѣлою
Онъ съ щастьемъ полетитъ въ свой домъ.

Свѣти, о Солнышко златое!
Чтобъ радость мнѣ казалась вдвое. —
Здѣсь щастіе живетъ тишкомъ.

Ѳ. Львовъ.

КОНЕЦЪ ШЕСТОЙ КНИГИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СОДЕРЖАЩИМСЯ СОЧИНЕНІЯМЪ

ВЪ КНИГѢ ШЕСТОЙ.
